

Кира Страйк

КАНАРЕЙКА



Кира Страйк
Канарейка

«Автор»

2023

Страйк К.

Канарейка / К. Страйк — «Автор», 2023

Эх, мечты-мечты, девичьи грёзы... Иногда нам жаль что, пусть и счастливая - жизнь в чём-то важном прожита вопреки велению сердца. Уступив в юные годы здравому смыслу или настояниям родителей, порой всё же размышляем, как бы она сложилась, не поддайся мы тогда воле разума. Не знаю, почему именно мне - вдове известного антиквара довелось проверить сие на практике, но именно так и произошло. Юное тело, пустые карманы, огненная шевелюра и голос молодой Елены Образцовой, перед которой позднее даже великая Монтсеррат Кабалье не постеснялась преклонить колени. Ну и новая жизнь, обещающая большие приключения на мою солнечно-рыжую голову.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	38
Глава 13	41
Глава 14	44
Глава 15	47
Глава 16	50
Глава 17	53
Глава 18	56
Глава 19	59
Глава 20	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Кира Страйк Канарейка

Глава 1

Объясните, кто-нибудь, как при росте метр, пятьдесят девять можно расшибить лоб в дверном проёме дома с высотой потолков четыре метра? В прыжке? Смешно. Да ещё с таким-то весом...

Я с усилием потёрла гулко звенящую голову и прислушалась к ощущениям. Монотонные раскаты раздражали настолько, что захотелось оглохнуть. Как будто это поможет. Тем временем боль стала совершенно нестерпимой, и руки иррационально потянулись к ушам.

К величайшему удивлению, звук хоть и не исчез совсем, но стал гораздо тише.

– *Это что? Не поняла...*

Выходило, что звон – не производное ушибленной головы, хоть и казался продолжением эпического удара гонга, взорвавшего череп после столкновения лба с неизвестным, но очень твёрдым предметом. Вот этот раскатистый : "Бом-м-м! Бом-м-м!" – явно шёл извне.

– *Шутите?*

Я с трудом разлепила глаза...

За сутки до этого

– Мария Изильевна, я к Льву Петровичу, Константин с Леночкой меня заберут. Можете спокойно ехать к детям до самого понедельника. – взбывая перед зеркалом копну медных волос благородного отлива, сообщила помощнице по дому – педантичной, но сердечной даме, жившей в нашем доме уже, наверное, лет, не соврасть, двенадцать.

Ещё Лёвушка нанимал её, когда мы переехали в эти стены. Кормилица, хранительница и бдительный опекун, строго, с терпеливой настойчивостью, не сказать назойливостью следившая за моим здоровьем. Особенно после смерти мужа. Её упрямой заботой, наверное, только и стучит до сих пор моё слабое сердце. Сама бы с таким заполошным характером сто лет забросила выполнять рекомендации Костика, хоть он у нас и знаменитый кардиохирург.

Поправила яркий платок, улыбнулась отражению в зеркале. М-м-да. Время летит незаметно. Через четыре месяца – пятьдесят. Впрочем, ни прибавляющиеся годы, ни лишние килограммы никогда не огорчали меня слишком серьёзно. С тех пор, как поняла, что Лёвушка, кроме неунывающего характера и задорной улыбки, действительно обожает мои пышные формы. Конечно, четвёртый размер бюста, крутые бёдра и осиная талия в молодости выглядели более эффектно. С возрастом все эти прелести заметно раздались вширь, сделались монументальнее, но баланс сохранился.

А благодаря многолетнему увлечению танцами, походка и движения до сих пор не утратили известной грации. Думается, приди такая дурная мысль в голову, я и сейчас могла бы сбавать чего-нибудь эдакое, с огоньком.

Автоматически поправила вазу в технике "барботин", стоявшую на старинном комод, выполненном в замысловатом стиле мастера Андре-Шарль Буля, вынула из неё заранее приготовленные цветы и ещё на секунду задержалась у зеркала.

– Мария Изильевна, дорогая, перед уходом наберите, пожалуйста, Ниночке и назначьте на послезавтра. – чуть поморщилась, заметив, что от корней всё ещё богатой шевелюры уже пополз родной, совершенно дурацкий цвет из разряда "нарочно не придумаешь", который срочно следовало поправлять. Терпеть его не могу.

Нет, серьёзно, у Бога, наверное, закончились приличные краски адекватного колера, когда на свет производили меня. Не рыжий, не русский, не соломенный, а какой-то фантастический блёклый бурдомес с нелепым отливом, цвета советского яичного порошка, за который ещё с детства за мной прочно увязалось прозвище "канарейка".

Удивительно, где бы я ни появлялась, у окружающих моментально возникала совершенно однозначная ассоциация, как будто сие слово было прописано на моём лбу крупными буквами и подчёркнуто двумя жирными полосами для особо невнимательных или слабых зрением. Наверное потому, что к этому вот "подарку" судьбы прилагались ещё птичий рост и необоримая страсть к пению.

Несложно представить, как гордились мама, папа и особенно ревностно – бабуля талантливым чадом (ну, для любого нормального родителя собственный ребёнок – самый гениальный во всём мире и его окрестностях), распевавшим песенки нежным голоском.

И пока я, стоя на табуретке, демонстрировала вокальные способности перед восхищёнными родственниками-соседями-друзьями семьи и случайными гостями дома, а затем осваивала фортепиано и гитару в музыкальной школе, танцы (нужно же уметь красиво двигаться), во мне росло убеждение в собственной одарённости. Ну дак! При таком-то пестовании и культивации.

В общем, поголосить я любила. При каждой возможности и по любому поводу. Ну как поголосить... Имея практически идеальный слух, мощности моим данным явно не хватало. И чего-то ещё – очень важного. Только осознание этого прискорбного факта остановило юную барышню, к восемнадцати годам уже витавшую мыслями в лучах софитов большой сцены, от покорения вокального отделения института культуры.

Точнее, с эйфоричных высот, куда несла от природы буйная фантазия, на грешную землю тогда опустило экспертное мнение одного из членов приёмной комиссии, которому достало милосердия честно высказаться по поводу моих грандиозных планов на карьере певицы.

– Деточка, не рви связки. У твоего голоса один окрас – белый. Красиво, но скудно. Скудно, как унылый флаг невинности, вяло поникший на идеальном древке слуха. Ни цвета – ни ветра. – сняв элегантные очки и потеряв переносицу, образно и совершенно безжалостно резюмировал выводы относительно моей персоны молодой, лощёный и действительно одарённый преподаватель, к которому вся абитура жаждала попасть до дрожи в коленках.

Я как раз отловила его в коридоре, куда тот вышел передохнуть от какофонии звуков, непрерывным полноводным потоком изливающихся из юных энтузиастов от музыки.

– Всё так плохо? – расстроилась-обиделась на неутешительный вердикт.

Овеянный славой и восторгами фанатов эстрадный полёт, где ещё минуту назад, по моему предвзятому мнению, такой звезде было самое место, неумолимо превращался в пике.

– Нет.

И объяснил одну простую разумную вещь. Меня бы взяли – какой-никакой голос, идеальный слух, по его мнению, имелся, однако, про мечту о большой сцене с микрофоном напелес, лучше сразу забыть и не строить вредных иллюзий. Если нет "лохматой лапы" – пробиваться можно только действительно уникальными данными, каковыми я, к сожалению, не обладала. И у них тут таких заурядностей – полный факультет.

Размазывая по щекам горячую соль, вышла на улицу и добрела до ближайшей кафешки. Разочарование раскалённым углём жгло в груди. Если бы кто-то просто пытался меня отговорить, ну дел бы в ухо о бесперспективности профессии артиста и возможных годах карабканья наверх, я бы ещё ух, как поспорила. Но его словам, прямым, холодным и честным, как скальпель хирурга, касаемым именно степени дарования, верилось сразу. Без значительного таланта

там делать нечего. Заведомо зная, что ты – посредственность, рассчитывать на какие-то высоты – значит заниматься слепым и неумным самообманом.

Может я и была натурой увлекающейся, творческой, но не дурой. Отрезвление оказалось болезненным, однако киснуть долго, в силу природного оптимизма, никогда не могла. Да и вообще, всегда считала, что длительное смакование обид и собственных страданий – удел мазохистов.

Погоревав перед чашкой ароматного капучино, заела поражение нежным пирожным и принялась размышлять об иных перспективах. Тонкое лезвие сказанных слов как будто отрезало от меня тот красивый, но, увы – лишь созданный моим воображением мир. Возможно, если бы решение не принималось так скоропалительно и эмоционально, позже желание всё-таки попробовать могло и вернуться. Но я не дала себе шанса на "задний ход".

В итоге, мои документы решительно перекочевали на факультет искусствоведения.

Обо всём этом как-то ненавязчиво, само собой вспоминалось, пока ехала на кладбище. Сегодня – день памяти моего дорогого Лёвушки. Единственного мужчины, умевшего сделать меня по-настоящему счастливой. Пять лет, как его не стало.

Вышла из такси и полной грудью вдохнула пряный осенний воздух. В этот день каждый год – неизменно хорошая погода. Прошла ворота и неторопливо направилась в нужном направлении. Под ногами мягко шуршали листья, вторя шёпоту красочных собратьев, ещё не облетевших с полуголых ветвей.

Как ни парадоксально, кладбище не навевало на меня уныния. Пора острой боли прошла, сильно пошатнув здоровье сердца. Теперь её место занимали светлая грусть и неувядающая память о самом любимом и дорогом человеке.

Скоро приедет Костик с Леночкой, я же всегда старалась оказаться здесь пораньше, чтобы побыть немного с Лёвушкой наедине.

Глава 2

Ну, здравствуй, родной. – автоматически смахнув с гранита листву, пушистой рамкой обрामившей памятник, обтёрла от пыли фотографию и присела на ажурную кованую скамейку.

Муж смотрел на меня лучистыми серыми глазами и улыбался той самой своей мягкой, необыкновенной улыбкой, открывавшей замки к любым, даже самым чёрствым сердцам. Он был не просто оптимистом, как, например, я. Он умел быть счастливым, что, согласитесь, великая редкость. Открыто, ярко и безапелляционно. Одной Лёвушкиной фотографией можно было смело лечить людей от хандры.

При сём, самым парадоксальным образом, вот это его свойство не вызывало у окружающих раздражения. Напротив, влекло и вызывало желание иметь с ним дело, находиться рядом. Что бы ни случилось, он умел оставаться уверенно-благополучным, сильным человеком.

Да. Не смотря на внешнюю "бархатность", Лёва никогда не был ни слабым, ни, упаси боже, наивным. Только те, кто составлял ближний круг, знали, что на самом деле Лев Петрович Славинский имел судьбу не самую сахарную. И свою антикварную империю создал не только благодаря таланту (или дару) расположить к себе кого угодно, но и крепкой волей, и неординарным умом.

Время немного замедлилось, как со мной всегда бывало в этом месте, увлекая память в прошлое. В тот самый солнечный весенний день, когда мы познакомились...

Это было на последнем курсе. К тому моменту все доступные залы и фонды столичных музеев я облазила вдоль и поперёк. А теперь живо интересовалась любыми иными ресурсами, дававшими простор природной любознательности, и возможность прикоснуться к истории. Ну а что, как ни антикварные магазинчики – вместилища самых разнообразных, порой, совершенно неожиданных древних штук – могло предоставить дополнительный материал для утоления исследовательского зуда? А заодно и беспристрастной проверки на качество собственных знаний..

Так вот. Тем самым воскресным утром, перепрыгивая лужи и злясь на собственное ротозейство (умудрилась проскочить нужную остановку), я торопилась на новоселье к институтской подруге. Опаздывала – катастрофически.

Посекундно поправляя сползающий на глаза капюшон и выбивающиеся из него тщательно тонированные хной волосы, безуспешно пыталась решить две задачи одновременно. А именно: выискать хотя бы теоретически годную для пеших перемещений по весенней слякоти тропу, и узреть хоть одну захудалую табличку с названием улицы и номера дома на однотипных строениях, нависавших над головой.

– Нет, ну что, так трудно прицепить чёртову циферку? – обращаясь неизвестно к кому и растерянно шаря зелёными очами по сторонам, раздражалась я – район был совершенно незнакомый.

И тут взгляд неожиданно натолкнулся на совершенное чудо.

Затесавшись среди сверкающих витринами бутиков и магазинов, на угол жилой высотки прилепилось великолепие, заставившее почти без раздумий поменять траекторию. Побороть искушение оказалось выше моих сил. К тому же, всё равно уже опоздала.

"Антикварная лавка" – гласила очаровательная, исполненная достойной старины вывеска, решительно выпадавшая из окружавшего её пёстрого, шумного и вызывающе-завлекательного буйства красок. Ноги сами принесли к заветной двери.

Мелодично звякнул колокольчик, доводчик мягко прикрыл за спиной выход во внешний мир, и у меня перехватило дыхание. Вопреки стремлению многих подобных заведений

выглядеть более современно, удобно и комфортно, интерьер находки напротив – мягко обволакивал ухоженной стариной, погружая воображение куда-то далеко в глубь веков. Даже звуки улицы почти сразу перестали беспокоить слух, отвлекать внимание.

Как зачарованная, шагнула в выставочный зал, сам по себе который виделся предметом, достойным изучения. Помещение представляло собой искуснейшую имитацию натуральной древней лавки. Возбуждая исследовательский аппетит и азарт, повеяло неповторимым запахом старой бумаги, картинной краски, дерева и ... несуществующей пыли.

Даже на всякий случай пальцем провела по ближайшей полочке – нет, зрение не обмануло – палец остался практически чист, подтверждая тщательно поддерживаемый хозяином убедительный порядок..

– *Не иначе, нарочно чем-то прыскают воздух. Очень, кстати, удачная идея.* – размышляла я, медленно продвигаясь вперёд, к деревянной стойке, будто реально извлечённой из исторического романа, – *Батюшки, какая прелесть.*

Даже потемневшая от времени, очень натурально поцарапанная медная бряцалка на столешнице, которой призывали продавца, занимала положенное место.

– Ох, ничего себе! – изумлённо выдохнула, осознав, что при ближайшем рассмотрении стойка оказалась хоть и капитально реставрированной, но в сохранившихся местах – совершенно настоящей.

В какой-то момент возникло явственное впечатление, что прямо сейчас из-за шторы выкатится добродушный колобок с блестящими волосиками на прямой пробор, в монокле, полосатой жилетке и ухоженных пышных усах. Да я бы даже гному сейчас не удивилась.

Где хозяин откопал такой раритет, да ещё в приличном состоянии – загадка. Жуть, как захотелось дзынькнуть в настольный звонок, но руку остановила – передумала. Решила, не привлекать хозяйское внимание, ибо приятней сейчас будет подольше побродить самой в тишине и одиночестве.

В первую очередь подошла к деревянной полке – внимание привлекла любопытная керамическая статуэтка. На, простите, попе довольно позитивного носорога, гордо повернувшись к нему же спиной, нахально задрал клюв сидела крохотная ярко-жёлтая птичка. Надпись на табличке так и гласила: "Носорог с птичкой"

– *Не иначе – канарейка. Определённо.* – решила я, – *Нет, эта пернатая злодейка меня точно преследует.*

Повинуясь внезапному хулиганскому позыву, не удержалась и звонко высвистела витиеватую птичью трель. Художественный свист с недавних пор сделался моим очередным побочным увлечением. Малость сфальшивила, но в целом получилось неплохо.

– Талантливо. – неожиданно раздалось за спиной, заставляя вздрогнуть и обернуться.

За стойкой, совершенно гармонируя с атмосферой лавки, расслабленно скрестив руки на груди, стоял и улыбался молодой мужчина. Не колобок, как мне представлялось, и без усов, но в жилетке и круглых очулярах, со свисающей с дужек на шею тонкой цепочкой.

Губы сами собой растянулись в ответной улыбке. Чем-то этот человек сразу приковывал внимание, даже, можно сказать, очаровывал одним своим взглядом. И я застыла, рассматривая его, пытаясь уловить секрет подобной, точнее, абсолютно бесподобной притягательности.

Серые глаза, волнистые, песочного оттенка волосы, худощавый, высокий... По большому счёту – ничего особенного. Приятный, но не глянцевого красавчик с брутальным подбородком и магнетизирующим взглядом. К тому же старше лет на десять. А гляди ж ты, зацепилась и неприлично тарашусь, как на редкую диковину. Улыбка?

К слову сказать, несколько не смущаясь от моего изучающего взгляда, мужчина ровным счётом занимался тем же самым – рассматривал меня. И выглядел при этом как-то подкупающе естественно-приветливым.

– Вы о статуэтке? – улыбнувшись ещё шире, прервала молчание я.

– Нет, о вас. Никогда не слышал такой идеальной, тонкой звукопередачи.

– Ну, насчёт идеальной, это вы погорячились, либо откровенно льстите... А вот позвольте вопрос. Мне показалось, или вы нарочно не появляетесь в зале сразу на звук дверного колокольчика? Так сказать, даёте посетителю время проникнуться искусно созданной атмосферой?

– Вы меня раскусили. – весело рассмеялся собеседник, – И как, впечатляет?

– Ещё как! А вот эта стойка?..

– Да, самая настоящая. Сражён вашей проницательностью и терпеливостью. Мало кому удаётся удержаться, чтобы не брякнуть в звонок на первой минуте пребывания здесь. А вы можете ещё разок вот так...

– Вы про что?

– Ну как канарейка. Вашему облику очень идёт... Я что-то сказал не так? – смущённо спросил он, заметив, что глаза мои несчастно закатились к бровям, вставшим "домиком".

– Что вы. Всё как нельзя так. Канарейка – моё второе имя. – и тихо буркнула, – Если не первое.

На новоселье в тот день так и не попала. Честно сказать, увлекшись беседой и интереснейшими рассказами нового знакомого – умного, обаятельного, какого-то невозможно трогательного в своём искреннем увлечении, а по совместительству – хозяина заведения, просто забыла, что где-то меня ждут в гости. А когда вспомнила – было уже совсем поздно переживать по этому поводу.

Глава 3

– Да-а, Лёвушка... Нам с тобой всегда находилось, о чём поговорить...

Я даже понять не успела, когда наши отношения стали совсем личными. В тот же самый первый день знакомства Лев предложил подработку в своей волшебной лавке. Конечно же, я согласилась.

– Это – чтобы тебе сложнее было от меня сбежать. – время спустя со смехом признавался он.

– Серьёзно? – совершенно искренне удивилась на подобное заявление, ибо неуверенным он не выглядел абсолютно. Да и сама, вроде, не совершала поползновений поспешно смыться на выход. Ибо тоже не имела ни малейшего желания прерывать знакомство, – От тебя что, часто сбежали?

– Никогда. Но в случае с тобой, вдруг, испугался... Как-то остро почувствовал себя одиноким. Точнее, понял, что стану таким, если ты больше не появишься в моей жизни. Весь день тогда только и думал, как не отпустить, удержать...

Лев Петрович Славинский оказался вдовцом, с полутора лет в одиночку воспитывающим маленького сына. Костику на тот момент исполнилось пять лет. Как же Лёва волновался, когда первый раз рассказал об этом, потом, когда привёл знакомиться и тут же неожиданно сделал предложение.

На самом деле, собственная тайная беда, которой, до того, как-то всё язык не поворачивался поделиться, в тот момент просто подкосила враз ослабевшие ноги.

Не смотря на молодость, я уже точно знала, что не смогу иметь детей. Бурная влюблённость, приключившаяся на первом курсе, ко второму привела к беременности и спешному замужеству. Потом авария, сложные операции, потеря ребёнка, страшный вердикт врачей и ... не хочу вспоминать, мучить себя подробностями.

Обо всём этом честно и рассказала Лёве прямо там, сидя на его уютной кухне, плача и с трудом подбирая слова. А он слушал, не пытаясь перебить или сейчас же остановить слёзы, давая выговориться один раз и до доньшка... Только мягко перебирал мои пальцы и смотрел вот этими своими всё понимающими глазами.

Костик... Оробевшего поначалу от присутствия посторонней тётки ребёнка, на время непростого разговора отправили играть в комнату. И даже не заметили, когда он вернулся с длиннолапым зайцем ручной работы под мышкой. Светловолосый мальчишка нерешительно потоптался в дверях кухни, затем подошёл ко мне, залез на колени, погладил по волосам и крепко прижался, уговаривая не плакать и обещая, что всё будет хорошо. Точно-точно. Потому, что у него есть папа, который умеет починить всё на свете.

В этот момент он навсегда стал моим. Они оба.

– Мам! Я категорически запрещаю тебе расстраиваться! – такой родной голос взрослого уже сына вывел из задумчивости, – Иди, обниматься будем.

Костик сам подошёл со спины и прильнул к макушке. С другой стороны звонко чмокнула в щёку Леночка, обходя скамейку и пристраиваясь рядом.

– Суровый у тебя муж. – с шутливой серьёзностью повернулась к ней, – Как твои дела? Чувствуешь себя хорошо?

– Просто отлично. Даже в больницу отказалась ложиться. – она удовлетворённо огладила круглый живот.

В самое ближайшее время дети обещали сделать меня счастливой бабушкой – порадовать внуком.

– Угум. – ворчливо отозвался наш главный доктор, – А я теперь переживай. Как ни убеждал – ни в какую! Как так? Любой самый зловредный пациент беспрекословно, без споров, уговоров и напоминаний выполняет мои рекомендации, а с двумя любимыми женщинами совладать не могу! – он в красноречивом недоумении развёл руки в стороны.

– Не брюзжи. – беспечно рассмеялась та, – Чего мне там вылёживать в такую погоду? Последние, считай, тёплые деньки бездарно сгубить в больничных стенах? А, мам (сноха давно не называла меня по имени-отчеству, как и у меня язык не поворачивался обозвать её этим сухим, бесцветным словом), я тебе там нового автора скинула – почитай – не пожалеешь.

С недавних пор Леночка крепко подсадила меня на современные романы, публикуемые на просторах интернета. Исключительно ради моральной разгрузки и отдохновения души. Как ни удивительно, Костик одобрял сие увлечение, компетентно заявляя, что современные новости с моим сердцем смотреть – смертельно опасный номер, и вообще, желательно держаться от телевидения подальше. А всё, что окажется важным, возникни такая необходимость, он сообщит мамуле лично.

Кто бы его, конечно, послушал. Но погружаться в лёгкое, умиротворяющее чтение неожиданно и в самом деле оказалось занятием увлекательным. Тем более, что нервы в самом деле временами требовали передышки. Хоть после смерти отца Константин и озаботился наймом надёжных людей, подхвативших управление основными делами (я-то в тот момент после инфаркта та ещё работница была), но сейчас всем забот хватало – мне в том числе.

Антикварный бизнес, доложу я вам, то ещё "развлечение". Коллекционеры – народ, как бы это выразиться... тонкой душевной организации. Это которые не просто гребут всё подряд, лишь бы было чем похвастать, а настоящие, те, что с пониманием и истинной одержимостью. О-о, с ними, безусловно, интересно, но и... Порой не знаешь, чего после подобного общения больше хочется – стукнуть такого маньяка от искусства по голове или только напиться.

Увы, и то, и другое – под запретом. Вот и остаётся искать альтернативу более мирного порядка.

Как обычно, посидели у памятника, вспоминая отца, а затем так же традиционно зарулили в лесок на пути домой. Костя вытряхнул из багажника раскладные стулья со спинками, пледы, походный столик, только разложили нехитрую снедь, как ...

– Мам, а если вот так потихоньку потягивает. Несильно, но уже третий раз, это настоящие схватки? Или ещё тренировочные? – лицо Лены, вдруг, стало напряжённым, а голос – тихим.

– Костик, живо всё назад. – без лишних предисловий скомандовала сыну, увлечённо собиравшему дорожный мангал.

– Что говоришь, мам? – повернул в нашу сторону ухо он.

– Говорю, рожаем, сынок. – членораздельно пояснила я.

Больше уточнений не потребовалось.

На ходу вызывая Светлану Николаевну – врача, которая по договорённости должна будет сопровождать роды, Лену отвезли в роддом. Сдали с рук на руки, и каждый помчался в свою сторону: Костик – к себе домой, прихватить подготовленный "чемоданчик роженицы" и назад в больницу, я – к себе на такси. Нужно было собрать и привезти к детям всё, что сама с любовью и трепетным предвкушением нового статуса "бабули" сюрпризом собирала к появлению внука. Накопилось немало.

Договорились, что будем на связи, а утром рано я приеду и помогу Косте подготовить квартиру к достойной встрече жены и наследника.

Так в этот день я и оказалась в своём доме одна. Случай – небывалый. Не помню, когда последний раз случалось такое, чтобы рядом никого не было. Странной, непривычной казалась тишина, не нарушаемая традиционным ворчанием Марии или хотя бы шорохом её тапочек. Родные стены, вдруг, показались живо похожими на музей. Ну да, за время совместной работы с мужем, многое из того, что цепляло по-настоящему, перекочевало сюда...

– Так, сын сказал принять успокоительное и пораньше лечь спать. Чёрт его знает, где в моём доме хранится то самое успокоительное.

Ну ещё, конечно, Мария знает. Но беспокоить помощницу в законный выходной совершенно не хотелось. Только намекни сейчас, что есть повод для волнения – примчится ведь. А у неё там свои посиделки с близкими.

Перерыла все шкафы, что попались на глаза – не нашла. Махнула рукой, повынимала пакеты с подарками, сложила в одну кучу в коридоре, сверху примостила огромного белого, невероятно приятного на ощупь тюленя, чтоб с утра не прыгать и ничего не забыть, выключила свет и залезла под одеяло.

Сон не шёл. Созвонилась с сыном – новостей не было. На его вопрос соврала, что лекарство приняла – незачем ему лишние тревоги, и положила трубку.

Не помню, как всё-таки заснула – разбудили тихие посторонние звуки. Приподняла с подушки голову и снова прислушалась. Сердце затрепыхалось, поднимая противный, мешающий сосредоточиться шум в ушах. Ну точно, со стороны Лёвушкиного кабинета явственно послышался подозрительный шорох. Или померещилось? Ну вот, вроде, всё тихо.

Встала с кровати и почему-то на цыпочках, в кромешной темноте покралась на разведку.

Уже у самого кабинета сообразила, что со включенным светом – оно как-то поудобнее будет. Поспешно сунулась в дверной проём, непонятным образом оказавшийся открытым, одновременно нащупывая выключатель, нажала клавишу и со всего маху врезалась головой во что-то жёсткое.

Перед глазами странным видением мелькнули мужские ботинки, в груди оглушительно схлопнулось, и только было загоревшийся свет – погас.

Глава 4

И вот теперь этот звон.

Открытые глаза защипало, заслезилло, заставляя снова опустить тяжелеющие веки.

А громовые раскаты, вдруг, сменились мелодичным переливом.

У нас возле дома, в котором находилась прежняя квартира, располагался храм. Так вот до чего умелый в нём был звонарь. Я даже окна открывала, чтобы слышнее было, когда монах поднимался на колокольную башню и прикасался к своему волшебному инструменту.

И каждый раз, вглядываясь в тонкий тёмный силуэт, раскачивающий тяжёлые колокола в сдержанном мистическом танце, я думала о том, каким же даром нужно обладать, чтобы уметь извлекать звуки, исполненные такого величия, заставляющие людей останавливаться и прислушиваться к собственной душе.

Вот и сейчас кожа покрылась знакомыми мурашками, а чарующая мелодия подхватила сознание и понесла далеко-далеко, успокаивая боль, возвращая покой.

Как будто ты стоишь у тайного порога

И слышишь в тишине биенье сердца Бога...

Кажется, я снова уснула. И видела самый странный в своей жизни сон, больше походивший на воспоминание.

В светлой, какой-то сияющей комнате, напомнившей мне пустую яичную скорлупу изнутри, плакал маленький ребёнок. Сжавшись в комок и пригнув светлую кудрявую голову к коленкам, малыш, тихонько всхлипывал, подрагивая худыми плечиками.

И так сердце сжалось, глядя на него – такого несчастного, одетого в странную белую... девчачью ночнушку? Так захотелось забрать его горечь, утешить, успокоить.

– Ты чего, маленький? – руки сами потянулись к мальчишке, чтобы поднять, прижать к груди. – Что случилось? Я помогу, мы всё обязательно исправим.

Тёплые руки доверчиво обвили шею, и он поднял мокрое от слёз лицо. Боже мой, как же оно было похоже на лицо маленького Костика. Перед глазами встало воспоминание того самого дня, когда Лёва привёл меня к себе домой знакомиться с сыном. Те же пушистые волосы, те же глаза, полные сострадания, а теперь – страдания, те же мягкие ручки на моей шее.

– Бабуля, я боюсь. – носик жалостливо сморщился и солёные градины снова покатались из глаз...

... моего внука?

Душа зазвенела. Ноги ослабели, и я присела на невесту откуда взявшийся низкий детский стульчик, укачивая, обнимая бережно и крепко, обмирая каждой клеткой от запаха волос этого светлого ребёнка.

И я запела.

На город заснеженный ночь опустилась,

И вдоль дороги зажгла фонари.

Зимнему городу лето приснилось,

Зимнему городу лето приснилось,

Скверик завьюженный спит до зари...*

Слушала свой голос – и не узнавала. Мой, точно – мой, но какой-то иной. Ошеломляющий, проникающий под кожу, как тот самый колокольный перелив. И простенькая песня звучала волшебством, плавно кружа голову, вместе с невидимыми пушистыми снежинками.

Малыш, заслушавшись, успокоился и обмяк у меня на коленях.

– Что тебя так испугало? – проводив отголоски улетающего эха, спросила я.

– Там мама и папа ждут, зовут, а я боюсь, и от того не могу найти выход. У меня не получается.

– Не надо переживать, родной. Стоит только перестать бояться, как всё наладится. Вот смотри. – я совсем не была уверена в том, что делаю, но внук ждал моей помощи, и я не было никакой возможности обмануть его веру.

Просто взяла и представила дверь на гладкой стене. И она появилась.

– У-ух,– с восторгом и облегчением выдохнул внук, – я бы без тебя не справился. А времени совсем маленько осталось.

– Тогда я тебя провожу. – как ни хотелось побыть с ним подольше, пришло понимание, что задержка продлевает страдания Леночки и Кости – там, в недоступном более для меня мире (это я почему-то знала точно), где они ждут своего сына.

– Это было бы хорошо. С тобой – не страшно.

– Пойдём? – взяла тёплую ладошку в свою.

– Пойдём. – решился он.

Перед самой дверью внук остановился и потянул за пальцы вниз, обнял и тихонько шепнул в самое ухо:

– И ты тоже не бойся. Всё будет хорошо – я знаю.

– А мама с папой? – в тон ему спросила я.

Было так важно... Так хотелось, чтобы детям моим не было больно. Чтобы кто-нибудь им рассказал...

– Им расскажут. – встал на носочки, дотянулся до ручки и скрылся.

А я осталась одна. Нет. Пожалуй, наедине с единственной мыслью, что ни жизнь моя, ни смерть не оказались напрасными. Что, даже если бы меня всё-таки спросили, готова ли я на такую замену – добровольно отдала бы оставшиеся годы за возможность стать проводником, помочь этому мальчику найти дорогу к родителям. И, наверное, это было понятно, раз не спросили.

Скорлупа, вдруг, раскололась, разлетелась на осколки, погружая меня в неведомое ничто.

Очнулась совсем в ином настроении. Было так хорошо и совсем не страшно. Сон помнился до каждой мельчайшей детали. Согревал так, словно всё это случилось наяву. Даже пальцы ещё, казалось, хранили тепло детской ладони.

Только голова всё-таки немного гудела, в груди ныло, и не имелось никакого ответа на вопрос, где я, всё-таки, нахожусь.

Спугнуть послевкусие сна было так жалко, что я, не открывая глаз, просто повернулась на другой бок, ощутив под собой довольно жёсткую поверхность, а на себе – странное колючее покрывало.

Так. А вот это уже неожиданно. Всё-таки, желательно оглядеться и понять, что произошло, и на каком я свете. В общем-то, сознание смирилось с тем, что ... Пф-ф-ф! Меня больше нет? Ну так есть же! Есть! И вряд ли в раю или в аду выдают колючие одеяла.

Взгляд упёрся в темноту. Сосредоточившись, смогла различить тёмные стены, уходящие в высокий потолок. Через узкое открытое окно, в помещение пробивался рассеянный лунный свет. Но толку от него было, прямо скажем, маловато. И тишина. Как в склепе.

Хотя, в склепе, кажется, должно быть тесно, холодно и сыро. А тут, вроде, ничего. Плед, опять же.

Хотелось чего-то, что смогло бы оживить атмосферу, подтвердить реальность и этих стен, и самой меня.

И тут совсем рядом, за окошком, замысловатой трелью залилась ночная птица.

– Спасибо. – вздрогнув, поблагодарила я и, не очень-то задумываясь, вывела нечто похожее в ответ.

Правда, губы оказались такими сухими, что получилось не очень, чтобы очень. А птичке понравилось. Слышно было, как ночная певунья вспорхнула и пристроилась на оконный проём. Там и осталась, снова и снова радуя слух живыми звуками.

Состояние было донельзя странное. Вот, вроде бы, и насторожиться, и даже испугаться. А настроения даже просто удивиться не имелось. Вместо всего этого – просто взялась ковыряться в последних воспоминаниях, пытаюсь сложить картину последних, так сказать, реальных событий.

Вот я проснулась там, в своей кровати, вот крадусь по пустынному коридору, а дальше память услужливо разбивает произошедшее буквально на кадры.

Загорается свет, я упираюсь во что-то твёрдое... Что это? И почему растоптанные мужские ботинки почти на уровне глаз? Стремянка! Лёвушкина аккуратная стремянка, всегда стоявшая в углу кабинета. Удобно было иметь её под рукой, на случай перевесить или просто протереть картины. Об неё я и стукнулась.

Картины! Вот, что было нужно вору. А то, что обувь принадлежала именно грабителю – сомнений не вызывает. И как прознал, что дома никого не должно было быть? Мария? Ни за что не поверю. Только не она. Скорее... да господи, тьма народу знает, что в день памяти Лёвы я каждый год остаюсь у детей. Начиная от соседей и заканчивая сотрудниками. А вот в этот раз сложилось по другому.

– *Так, и дальше?* – я сладко зевнула и закашлялась.

Душу, вдруг, согрела злорадная мысль о том, что картины вору или ворам вряд ли достались. Может внешняя сигнализация и не была включена по причине того, что я вернулась, но локальную, подключённую к самым ценным объектам – не под силу не потревожить никакому умнику. По крайней мере так уверяли установщики.

И всё же... Ну стукнулась головой – от этого ведь не умирают. По крайней мере от удара в лоб, который получила я.

Сердце. Вспомнилось, как солнечное сплетение сковало ледяным холодом. Переживания и внезапный испуг просто его доломали.

– *А оно стучит.* – такая нелогичная мысль была последней, прежде чем организм незаметно провалился в дрему.

* Вера Дворянинова "Мамин сыночек".

Глава 5

Утро пришло стрелами солнечных лучей, пронизывающих висящую в воздухе пыль, щебетом птиц и звуками повседневной жизни, буднично доносившихся из оконного проёма.

Я лежала на доисторической деревянной кровати и одними глазами обводила окружающую меня обстановку. Обстановка была полна столь любимого мной антиквариата. Правда, в самом убогом исполнении. Каменная комната без признаков комфорта, коричневое одеяло из грубой шерсти, стул, стол дремучего века... очень заинтересовал угол, завешенный иконами. Это совершенно точно были они. Слишком однотипные изображения. Да и не размещают обычные миниатюры с такой кучностью.

А вот кто на самих иконах – не признать. И сколько не перебирала в памяти, так и не смогла понять, к какой религии их привязать.

Попыталась привстать с лежанки, чтобы разглядеть поближе, но поняла, что не смогу. Накатившая слабость заставила снова упасть на жёсткий матрас. Впрочем, и отсюда было видно довольно чётко, что удивительно, ибо зрение всегда являлось моим слабым местом.

Размышления прервал скрип открывающейся двери, и в помещение тихо вошла женщина. Странная до той степени, что у меня глаза на лоб полезли.

Серую хламиду, скрывавшую костлявую фигуру, сложно было даже платьем назвать. А тело однозначно костлявое. Это выдавали тощие запястья и худое, даже измождённое лицо. Водянисто – серые глаза с характерной темнотой вокруг них, острый нос, тонкие губы. Волос не видно – все они тщательно упрятаны под мятый чепец, надвинутый на лоб.

Возраст? Даже судить не возьмусь.

– Вижу, ты уже пришла в себя, Лира. – шепеляво скрипнула пришелица.

Взгляд её был суров, бесцветные губы поджались. При этом, несколько провалились, подтверждая догадку о неполном комплекте зубов.

– *Бо-о-же, вот это ведьма.* – подумала я, запоздало понимая, что обращение "Лира" адресовалось мне.

– Встать можешь?

Я отрицательно покачала головой.

– Видать, сильно прогневила господа нашего, за что и покарал. Матушка Тейла очень недовольна тем, что пропускаешь занятия хора. Но мы с сёстрами молимся за твою заблудшую душу. И тебе велено поститься. Проси, дабы даровано было выздоровление и скорее смогла вернуться к служению.

Я с тихим ужасом слушала сию отповедь, а из-за спины монашки тем временем проскользнула тень в такой же хламиде и чепчике, оставила на столе кувшин с тарелкой и так же тихо испарилась. Даже лица её разглядеть не успела. Разве только, отметила, что ростом вторая была поменьше ведьмы, читавшей мне нотацию.

На этом тётка, видимо, сочла свою миссию исполненной, повернулась и скрылась за дверью.

А я осталась лежать, пытаюсь впихнуть в голову то, что сейчас произошло.

Лира... Что-то это имя смутно напомнило, но что? Как будто только сейчас очнувшись, взялась осматривать, ощупывать саму себя. То, что представало глазам оказалось худое, молодое, побитое и не моё. Сдёрнула идиотский, наподобие детского, чепец – по плечам рассыпалась копна густых, длинных огненно-рыжих волос. И тут я вспомнила...

Это был последний предутренный сон.

Тоненькая девушка по имени Лира с вот этими самыми косами, серо-зелёными глазами и красивой улыбкой что-то рассказывала мне. Что-то ведь объясняла, дай бог памяти... И, помнится, даже благодарила.

Прикрыла глаза, пытаясь сосредоточиться. Помогло. Образ ярко вспыхнул в голове. И слова... что-то про то, мол, как она счастлива, что я освободила её из этого ада. Она бы не справилась, а я – другая, мне – под силу. И ей там теперь полная благодать, а мне – удачи.

Прелесть какая. И что теперь прикажете со всем этим делать? Оставалось только одно – поверить. Вариант "сойти с ума", в силу характера, являлся неприемлемым по определению.

На самом деле, происходящее не вызывало особо острой паники ещё и потому, что, после событий прошедшей ночи, я уже подсознательно была готова к чему-то подобному. Слишком уж достоверной казались встреча с внуком и его обещание, что всё будет хорошо.

– *Зато я точно знаю, как выгляжу.* – пришла мысль. И ещё о том, что читанные книги о попаданках уже не кажутся такой уж фантастикой. – *Надо же... ну всё, как по закону жанра.*

Что ж, будем осваиваться в новой реальности. Для начала бы чего грызнуть и попить. Взгляд остановился на оставленной на столе тарелке. Интересно, чем потчуют в местном аду?

– *Хоть бы в руки подать удосужились, ведьмы.* – досадливо поморщилась я, – *Видели же, что вставать тяжело. Или как? Здесь полагают, что выздоровлению способствуют исключительно страдания, аскеза и молитвы?*

Полежала, глубоко дыша, собираясь с силами. Ибо, ради того, чтобы рассмотреть иконы, можно было и не заставлять себя подняться, а вот ради глотка воды и еды – однозначно придётся. Иначе, сами понимаете, грешной душе, за которую там нынче усердно молятся так называемые сестры, не достанет сил задержаться в таком симпатичном, но слабом теле. Будет очень жаль.

В общем, худо-бедно, до стола дотянула и плюхнулась на стул.

– *Это вот что имелось ввиду?* – я недоумённо разглядывала то, что мне оставили к трапезе. На тарелке сиротливо лежал кусок чёрного хлеба из муки грубого помола. И всё. В кувшине – вода. – *А, ну да, ну да... Поститься же велено. Чтоб вас там ... Эх, ироды.*

Тихо скрипя зубами, взялась грызть сухарик. Сегодняшний "хлеб мой насущный" оказался ещё и не первой свежести.

– *Нет, дорогие мои, так дело не пойдёт. Голодайте, молитесь, истязайтесь тут сами. А мне надо набираться сил и делать отсюда ноги. Иначе, никакой радости от дарованной второй жизни не получится. Не моё все вот эти атрибуты монашеского счастья, не моё.*

Куда бежать из этого "благословенного" места – совершенно непонятно. Убогая обстановка не давала ни малейшего представления о самом мире. Кроме, разве что, того, что нахожусь я в эпохе махрового средневековья.

– *Надо бы как-нибудь раздобыть хоть какую-то информацию. Только большой вопрос, как? Эти... в чепчиках даже толком разговаривать не хотят. До зарезу нужно отыскать в этой обители добра и целомудрия хоть одного адекватного человека. Главное, следить за языком и не ляпнуть чего лишнего. А то ведь, со своей ущербной логикой, сочтут, чего доброго, полоумной. С таких станется – ещё и хлеб отберут, на голую воду посадят.*

Однако, если с общими вопросами ещё можно было погодить, аккуратно выведывая информацию, то с питанием нужно что-то решать прямо сейчас. Грустно как-то без питания.

Сухарик, к моему величайшему сожалению, завершился, а сытости не наступило. Что совсем неудивительно.

Однако, была и хорошая новость. Маленькое путешествие до стола показало, что состояние моё не так плачевно, как казалось поначалу. Синяки, ссадины, конечно, имелись. Отчего в голову закралась дурная мысль, что девчонку крепко за что-то побили, но я тут же постаралась её отогнать.

– Да ну, ерунда. Не могут же эти набожные страдалницы поднять руку на живое существо. Или могут? Тогда дело совсем худо... Ладно, пока буду считать, что девочка сама расшиблась.

Тем не менее, в вертикальном положении я чувствовала себя довольно сносно. По крайней мере, точно без угрозы потерять сознание.

– Но моим надсмотрщицам об этом знать совсем не обязательно.

Для того, чтобы подтвердить эти выводы, осторожно встала и медленно, придерживаясь за стены, прошла по комнатке, выглянула в коридор. Оттуда потянуло запахом тушёной квашеной капусты. Значит, человеческая еда здесь точно имеется. Но прямо сейчас идти на розыски слишком опасно и неразумно. Придётся терпеть до ночи и притворяться немощным бревном.

– Надеюсь, они за день там всё не сожрут. – понадеялась я, рассеянно разглядывая странный горшок, стоящий под кроватью.

С четвёртой, наверное, попытки удалось сообразить, что сей предмет, это мой туалет. Жуть какая.

Обстановку завершал громоздкий сундук в углу комнаты и брошенная на него хламида. (Не знаю даже, как по-иному называть сие одеяние.) Вероятно, моя.

– М-м-да... пока даже представить невозможно, как из таких исходных данных строить нормальную жизнь. И вообще, как девочка очутилась в стенах монастыря? Сирота она что ли? Одни вопросы. – в животе требовательно заурчало, – Скорее бы дожидаться ночи.

Глава 6

К ночи, дождавшись, когда звуки живущего повседневными делами монастыря утихнут, одним глазом выглянула за дверь. Кстати, за этот день, противная баба заходила ещё дважды. Оба раза я сказала глубоко спящей, ибо слушать проповеди не было ни сил, ни желания.

Так вот, когда, всё-таки, насмелилась высунуть нос, как раз и застала момент, в который толстая повариха в нормальном платье, грязном фартуке и не таком унылом, как у всех, чепчике, понесла разнос с тарелками куда-то по коридору.

Очевидно, старшие матушки не очень придерживались проповедуемых истин и баловались вечером непотребной пищей.

Больше всего я опасалась, что тётка вскоре вернётся и запрет своё ведомство на ключ. Поэтому, махнула рукой и решила, что сейчас – самое время. Живот уже, честно говоря, просто к спине прилип. Так что, тянуть – просто терпежу не осталось.

Бесшумной тенью, аки какой ниндзя, проскользнула в кухню. Мрачное помещение освещалось одинокой свечкой, оставленной поварихой непотушенной. Или забыла про неё, или скоро вернётся, значит нужно поспешать.

Содержимое котелков, которые я спешно осматривала, порадовало пусть и простой, но вполне съедобной пищей. Как и унюхала днём, в одном из них находилась тушёная капусточка. Маловато, но если со стенок собрать – достаточно наскребётся. В другом – каша. Не пойму из какой крупы. Ладно, в комнате разберусь. Горка варёва шмякнулась рядом с капустой.

Та-ак, а вот тут у нас что? О-о-о! Мясо! В отдельно стоящем небольшом котелочке обнаружили довольно нажористые кости. Мослы, конечно, но не голые. И сие блюдо, кажется, предназначено не для всех. Порционное.

– Ну и ладно, не усохнут старшие монахини от потери, например, вот этого куска. – означенное мясо перекочевало на мою тарелку, – А что до недостачи... мышки схрумкали. А я ни причём. Знай, лежу себе, никого не трогаю.

Так, что у нас тут ещё? Под полотенцем, накрывающим доску, оказался хлеб. Нормальный. В смысле, тоже чёрный, но довольно свежий. Отпилила себе кусок, накрыла обратно, мол, так и было, и взялась шариться дальше в слабой надежде нарыть чего-нибудь сладенького.

Вряд ли здесь и в самом деле возможно отыскать торт, но хотя бы какой-никакой компот, что ли... Организм жутко требовал сахара.

И тут из коридора послышался шорох. Вот не так, когда смело и на законных основаниях идут в кухню, а так же, как и я, крадутся. Если бы лазутчик был в единственном числе, могла бы даже не услышать. Но их было двое.

Зажав тарелку мёртвой хваткой, скользнула за печку, прикинулась ветошью и притаилась между большой кадушкой и каким-то ящиком. Жалобно скрипнула расшатанная половица, а следом довольно громко бряцнуло ведро, стоявшее в углу у входа.

– Да тихо ты, Тинка! – прошипел тонкий девичий голос, – Что корова в хлеву, ей-богу!

– Не бойсь, нет никого. Марта ещё не скоро возвратится. Сама же видела, только толстой гримзе тарелки понесла. А потом и к старику Петеру пойдёт – они обычно долго вечеряют. – басовито гудела вторая.

Тем временем, послышались звуки методично звякавших крышек котелков. Девочки деловито шли моим же маршрутом. Только лопали они, видать, прямо из кастрюль, судя по тому, что беседа продолжилась с явно набитыми ртами.

– О! Глянь только! Мясо! А у всех – постная неделя.

– Ну, для них, видать, господь нарочно зажимушивается, когда Тейла с Эльвиной непотребную еду в рот суют. Глядишь, и нас не приметит. Как думаешь?

– Ты чо-о-о! Это ж у Марты по счёту. Утром не доищется – шуму будет. – девчонка шумно сглотнула слюну в борьбе с искушением. И тут же сдалась, – Ладно, доставай! Только одну на двоих, может не так заметно будет.

Послышались звуки жадной еды, а я, капая слюной в полную тарелку, не могла дожидаться, когда они уже смоются отсюда. Те же, как раз, никуда не спешили.

– Как думаешь, сдюжит Лирка? – речь неожиданно пошла обо мне, и я наострила ухо.

– Не зна-а-ю. В себя-то пришла, хоть никто и не ждал уже, да только старуха так на неё взъелась, что вообще никого к ней не пускает. Вон сегодня слышала, как Петер навестить хотел – так нет, не позволила. И Польке запретила. Заморит. Как есть, заморит.

От голода и волнения, я не утерпела и взялась потихоньку отщипывать горбушку, продолжая напряжённо вслушиваться в голоса.

– И дёрнуло же её в подвал полезть. Сказано же, что нельзя туда нам. И ступеньки вниз совсем худые. Что уж там хранится?.. Даже Петера не пускают починить. Ой, как вспомню, какой нашли её, аж жуть берёт.

– Зато Леська какая радостная, видала?! Это ж теперь без Лиры – она у нас первый голос в хоре. Верно тебе говорю, она же и надоумила нашу любопытную дурочку в подвал сунуться. Мол, проведать, что там под таким секретом таится.

– А как про замужество услышала... Помнишь? Позеленела вся!

– Да уж... Свезло Лирке, скоро родные приедут, заберут, да и замуж отдадут. Полька сказывала, что жених знатный. А что толстый и старый – так и не беда. Не ровён час душу богу отдаст, да и будет Лирка сама с баронством управляться, зато сытая и при титуле.

В этом месте корка предательски застряла в горле, и я едва не выдала своё присутствие подступившим кашлем. Зажав рот обеими руками и выпучив глаза, боялась даже шевельнуться, чтобы не спугнуть неожиданных информаторов. Надо же, тут ещё и замуж какой-то светит.

– Так что ей титул, она и так баронка. А вот что в богатстве жить станет – это точно свезло. Да и, вроде, не такой старый тот жених. Что толстый – то да-а, но лет двадцать ещё точно протянет. – со знанием дела отметил тонкий голосок.

– Тебе откуда знать? – дублируя мой же вопрос, усмехнулась вторая.

– Так я же подслушала, как матушка Тейла Эльвине письмо читала. Да рассуждали потом. Ругала-а-ась, страсть! За месяц, говорит, всякое случиться может.

Я в своём уголке у тёплой печки уже совершенно освоилась и, не стесняясь, взялась обгрызать косточку. Ну невозможно с голодухи сидеть над полной еды тарелкой и не захлебнуться слюной. Особенно, когда кто-то рядом так смачно жуёт. Да ещё такие новости!

– Вот и боюсь, не дотянет Лирка до счастья своего. Заморят. У ней же договор какой? Возвратный?

– Не бывает такого. – уверенно возразила вторая.

– А я говорю, так и есть. Раз забирают, то и часть оплаченного должны вернуть.

– Ничего-то старуха в жисть никому не отдавала.

– Вот потому и заморит. – убеждённо поставила точку первая.

– А вот хрен вам. – мстительно вгрызаясь в косточку, подумала я, – *Выживу и сбегу. Да, и в подвал наведуюсь. Думается, хранится в монастырской сокровищнице то, что и мне сгодиться может. Не зря же под таким запретом разлюбезной матушкой Тейлой держится. А если старые ступени никому чинить не дают, то и дверь с замком наверняка пообветшали. Открыть – труда не составит. Знать бы ещё, где он находится.*

– Ну всё, давай уже двигать отсюда. А то не поверят же, что на вечернюю молитву ходили. Да рот вытри! Э-э-эй, и платье вон всё заляпала. Три давай. – над самой головой с печки взметнулось валявшееся там полотенце.

Девчонки пару минут ещё провозились с приведением себя в надлежащий вид и тихонько смылись из кухни. Я тоже задерживаться не стала. А вот ещё один кусок мяса беззастенчиво стырила.

– *Значит, что у нас выходит, –* лопаю с тарелки в своей "келье", сортировала подслушанную информацию, – *Лири, то есть я, у нас "баронка", даже родственники имеются. Правда, неизвестно какие. Но в замуж отправить девочку стремятся. В самом монастыре в наличии имеются как минимум одна откровенная врагиня, как её... Некая Леська. Конкурентка по первенству в хоре. Поля, которую ко мне не пускают, скорее всего в дружественном лагере. Возможно, что и неведомый старик Петер там же. Ну вот, уже неплохо.*

Вылазка оказалась на редкость удачной. Мало того, что сытая, так ещё и разузнать по случаю кой-чего удалось.

– *У меня другой вопрос. Насущный. Где они тут моются?* – укладываясь на постели подумала я, и тут же уснула.

Глава 7

Утро началось с воплей Марты. Ночной набег на кухню не остался незамеченным. Я лежала, как мышка, радуясь тому, что вчера же сразу предусмотрительно замела следы преступления. Тарелка была отёрта лоскутом, найденным в сундуке, а кости полетели в открытое окно. Надеюсь, за прошедшее время их подобрала какая-нибудь местная живность.

В том же сундуке обнаружились некоторые вещи. Простежка сорочка, такая же, как была на мне, пара простыней, ещё один смешной головной убор, столь популярный в этой обители и тряпки, назначения которых я пока не поняла.

Каждый раз, когда кто-то входил в комнату, делала вид, что сплю и вообще плохо себя чувствую. Впрочем, не очень-то часто меня и посещали. Один раз забежала девушка, так понимаю, приставленная на уход за болящими. Принесла аналогичный вчерашнему набор питания, вынесла горшок и забыла про меня до следующего дня. Заговаривать с ней не рискнула – хмурое лицо "сиделки" не отличалось дружелюбием и к беседе не располагало.

Ну и страшная ведьма пару раз заглянула. Интересно, долго они планируют морить меня голодом? Нужно было как-то попытаться организовать связь со внешним миром. И вообще хоть одним глазком на него посмотреть.

Подобрав подол, я осторожно полезла к окну. Правда, чтобы до него дотянуться, пришлось вскарабкаться на стул.

Как и ожидалось, за окном буйными красками цвело тёплое лето. Дерево, раскинувшее пушистые лапы, чуть левее моего наблюдательного пункта немного мешало обзору, с другой же стороны выполняло функцию маскировки.

В отдалении удалось разглядеть огороды, на которых, как муравьи, ползали девчачьи фигурки. Огибая овощные плантации, извилистой лентой серебрилась речка. Узкая такая, ленивая, по берегу поросшая густым камышом. В одном только месте подход к ней выделялся серой каменистой насыпью. Там тоже суетились девушки, одетые в совершенно одинаковые платья – кто стирал бельё на мосточке, кто таскал воду в огород для полива.

Брякнул колокол, и девчонки, торопливо заканчивая дела, одна за другой потянулись куда-то за угол. Что там располагалось, мне уже было не видно.

– Тинка, что ты там возишься, бросай уже эту тряпку – после достираешь. – слышался знакомый тонкий голос.

Ага, эта вот долговязая худенькая девочка, значит, и есть одна из ночных лазутчиц. А вторая? Вон она, пониже и покрупнее, с добродушным круглым лицом.

– Так когда же я достираю, – отозвалась Тинка, – там ить на занятия бежать. Сестра-хозяйка заругает, что вот так побросали.

– Э-эх, какая же ты копуша нерасторопная. Ладно, давай помогу, чтоль, а то опять совсем на обед опоздаешь. Полька, иди подсоби тоже. Тут маленько осталось. – звонко командовала худышка.

Миловидная девушка, поправляя светлые волосы, выбившиеся из под чепца, направилась к ним. Ну вот и прояснилось, кто здесь является подружкой Лиры. Но как привлечь её внимание, да ещё так, чтобы самой не спалиться – не понятно. Слишком далеко, да и не одна она. Можно попытаться кинуть в неё чем-нибудь, когда проходить будет... Я огляделась в поисках подходящего предмета, только на глаза ничего не попадалось.

– Эх, надо было мослы куда-нибудь припрятать. Косточка, скорее всего, долетела бы.

Пока я озиралась по сторонам и шурудила в сундуке, троица закончила стирку и убежала вслед за остальными.

Часа через два труженицы снова вернулись к работе. Да уж, разнообразием быт местных обитательниц не отличался. По удару колокола они только и делали, что ковырялись в огороде, отвлекаясь лишь на еду и занятия, я так полагаю, пением. Тоска зелёная. А мне тут так вообще и подавно.

Всё, что возможно, в комнате было изучено, разглядывать пастораль за окном тоже наскучило, кроме того, уже опять жутко хотелось есть.

День тянулся издевательски долго. Едва дождалась, когда, наконец, наступит тишина, а повариха удалится кормить старших монахинь. В этот раз удалось даже подглядеть, чем тут потчуют матушку Тейлу.

Поднос украшала одуряюще пахнущая жареная курочка, большая миска какого-то гарнира, щедрый пучок зелени и огромный ломоть ноздреватого сыра. Сбоку примостились пышные куски белого хлеба с вкраплениями темных зернышек, тарелочка с колобком сливочного масла в каплях влаги и стеклянная креманка на высокой ножке – похоже, с вареньем. Я нервно сглотнула, а повариха, даже не заметив меня и сильно прогнувшись в поясе от тяжести груза, прошлепала мимо.

– Вот это ничего себе! Что-то не припомню я, чтобы видела вчера на кухне такие разносолы. Подозреваю, что сие богатство хранится где-то под замком. Надо будет повнимательней поискать.

Увиденное и у сытого могло вызвать приступ зависти, что уж говорить о голодной мне.

В общем, дотерпела, пока шаги затихнут, и поспешила вчерашним маршрутом. И вот тут-то меня ждал большой провал. На дверях кухни висел здоровенный замок. Чуть не расплакалась, честное слово.

– Так, нечего реветь, думать надо, как проблеме решать. – я сосредоточенно взялась искать слабые места в конструкции, преграждавшей мне путь к еде, – С самим замком – точно не справлюсь. А вот попытаться аккуратно выдернуть скобу – может и получится. Чем вот только подковырнуть?

Запирающее сооружение выглядело явно не новым. То есть, не сегодня его сюда приколотили. Дерево косяка от времени усохло и кованые гвозди с одного края заметно шевелились. Только голыми руками всё равно вытащить не удастся.

– И что делать? Не помирать же теперь с голоду, в самом-то деле. – я вернулась в комнату и принялась делать капитальный обыск.

Требовалось найти что-нибудь плоское и достаточно твёрдое.

На пятый круг безуспешно осматривая углы, уже почти впала в отчаяние, когда глаза наткнулись на металлический язычок запора на сундуке. Ага, вот это бы подошло. Только придумать, как отодрать эту штуку.

Пока ковырялась с новой задачей, так увлеклась, что не заметила, как дверь комнаты тихонько отворилась, и в образовавшуюся щель на цыпочках проскользнула массивная фигура. Меня чуть Кондратий не обнял, когда над головой нависла чья-то тень. Резко обернувшись, обнаружила за своей спиной. Марту. Да ещё и с подносом в руках.

– Ч-щ-щ. – повариха красноречиво приложила пухлый палец к губам, – Не пугайся, это я.

– Фу-уф. – шумно выдохнула я, пытаюсь унять дрожь в коленках.

Как реагировать – было пока не понятно. Однако, поведение тётки внушало надежду на благополучный исход. И ещё больше оптимизма вызывал поднос, который та продолжала держать в руках.

– Да я ещё вчера прознала, что ты в себя пришла. Вот только не ведала, что старуха велела тебя голодом морить. Совсем с ума сошли. Это ж надо такое удумать – больного ребёнка на жёсткий пост посадить. На вот, я тебе кой-чего принесла. Днём-то никак не можно было навесить. Заметят, что ослушалась указания, так и меня накажут. Иди давай за стол.

– Спасибо. – только и смогла выдавить я, поднимаясь с пола.

Надо же, а кухарка-то у нас, оказывается, – мировая тётка. Сердечная и рисковая. Помощь пришла, как часто бывает, откуда и не ждали.

Варенья с сыром на подносе не оказалось, да оно и понятно, а вот щедрая порция щей и тарелка каши, на которой лежала свежая горбушка, живо вызвали урчание в животе.

Бо-о-же, как же я была ей сейчас благодарна!

– Так это ты, поди, вчера ко мне на кухню наведалась? – глядя, как я уминаю содержимое подноса, спросила Марта.

Стало даже чуточку стыдно, когда пришлось в знак признания кивнуть головой.

– Ладно, не сержусь. Эх, знала бы – не стала утром шум поднимать. Ну теперь что уж. Только больше туда не суйся. Сама стану тебе еду приносить. Вот так же, когда все спать расходиться будут.

– Спасибо, Марта. – ещё раз поблагодарила я, – Ты меня и в самом деле спасла. Без твоей помощи – совсем худо было бы.

– Ладно уж, не дам пропасть. Тебе главное до приезда родных продержаться.

– Марта, мне бы ещё один вопрос как-нибудь решить.

– Ты о чём, детка?

– Да ополоснуться бы.

– Так я тебе сейчас ведро с водой притащу. Хотя... – тётка остановилась на полдороге, – зачем ведро? На речку-то и ступай.

– А вдруг заметит кто?

– Это вряд ли. Разошлись все. Ты за мосточек укройся, а я покараулю, чтобы потом двери обратно запереть.

Я прям не удержалась – чмокнула кухарку в розовую щёку, достала простыню и пошла вслед за своей проводницей-спасительницей. Мысль о скорых водных процедурах и сытый желудок радовали несказанно.

Глава 8

На следующий день меня навестила Поля. Пока размышляла, чем отвлечь голову и руки, в комнату влетел маленький камешек. Следом послышался осторожный шёпот:

– Лирка! Ли-ир! Вылезай!

Бросившись двигать стул, полезла в окно. Ну, так и есть, та самая светловолосая девушка, озираясь, как испуганный воробей, стояла под деревом.

– Привет! – поприветствовала я.

– Ты там как? Марта сказала, что гораздо лучше, больше притворяешься.

– Так и есть.

– И то верно. Не надо им знать.

– Поль, а сколько меня здесь держать будут?

– Ещё четыре дня, вроде. Ну всё, я побежала, пока не заметили. Завтра ещё приду, какие будут новости – расскажу.

– *Караул, целых четыре дня в каменных стенах, как в камере, без всякой возможности чем-то себя занять.*

Так и потекла скучная жизнь в заточении. Днём забегала подружка, сообщала о том, что происходило "на воле", но в основном это были бытовые подробности, не касаемые меня. А поздними вечерами, когда все по укладу монастыря расходились по норкам, навещала Марта.

В отношении пополнения информации кухарка была для меня сейчас просто кладом. Имея, в силу рода деятельности, широкие возможности слушать, о чём говорят, она и в самом деле знала многое. Там девчонки в трапезной пошушукаются, тут монахини за столом побеседуют – на Марту мало кто обращает внимание.

Вспомнив, как вели себя в подобных ситуациях классические попаданки из читанных книг, прикинулась амнезией после удара головой – сработало. Так вот, где-то аккуратными вопросами, где-то намёками, удалось из её рассказов наскрести кое-чего и о самой себе.

– Так чего говорят, тётя через три недели приедет?

– Так сказывают. Они у тебя хорошие.

– Ага, – буркнула я, – а чего тогда в монастырь сдали?

– Так ты ж сама всё петь мечтала. Голос у тебя, конечно, отменный, но куда же дитё с таким талантом прилично пристроить? Не в труппу же к этим... бродячим артистам! Вот и согласились. Вроде как, и твоё желание исполнили, и свою задачу тоже.

– Это какую?

– Да охотку тебе сбить. Чтобы напелась тут по самое горлышко, да и за ум взялась. А они тем временем жениха подыскивали. После нашей-то обители, поди, любой замуж раем покажется. – усмехнулась собеседница.

– Всё равно, жестоко.

– Думаю, вряд ли твои родные знают, как тут всё на самом деле. Старуха строго следит, чтобы вести домой были только положительные. Сами же и строчат. Никто и не ожидал, что тебя, певунья, через полгода обратно возвращать станут. Вот матушка Тейла и бесится. Мало, что часть оплаты могут попросить вернуть, так ещё такой певуны лишиться. На твой голос люди слезами обливаются, да монастырю подают так, как никогда раньше. Да, а тебя чего в подвал-то понесло?

– Не помню. – призналась я.

– Ну, не мудрено. Так о ступени приложиться. Хорошо ещё не сильно далеко укатилась. Услышали, как стонешь. То крику было, то крику... Ладно, заболтала ты меня. Спи давай.

Какой тут спи. За день так бока отлежала, что ночью – хоть глаз коли. Сон не шёл категорически. А раз уж меня тут на ключ не запирали – видимо, в голову не приходило, что после всего случившегося, вообще возможно послушаться, то решила воспользоваться ситуацией и пошариться по коридорам – хоть глянуть, как тут всё устроено.

Опять же, мысль о подвале не давала покоя. Что-то ведь хотела там Лира отыскать? По крайней мере, надеюсь, что эта вылазка не являлась банальным девичьим любопытством.

Марта ушла, попутно задувая свечи в коридоре. Прихватив чахлый огарок, что имелся в моей комнате, прошмыгнула за дверь. Двигаться пришлось медленно, бдительно послеживая, чтобы огонёк не потух.

Влево от меня находилась кухня, кладовая и что-то вроде прачечной. Очевидно, для зимнего времени года. Сейчас же, когда тепло, стирались прямо на берегу. И то верно – потаскай-ка эту воду с реки. Дальше – выход на улицу. Я туда не пошла, и так уже видела, пока бегала купаться. Правее располагались ещё три пустых комнаты, похожие на мою, только кроватей в них было больше. Больничная часть? А меня, значит, в одиночку посадили.

Дальше коридор упирался в ещё одну дверь и делал поворот влево. И вот оттуда ещё доносились слабые звуки жизни, из щели на пол пробивался слабый свет. Сделала пару шагов, прижалась к стене, в любой момент готовая задуть свечу, и прислушалась. До ушей донеслось мурлыканье Марты. Очень тихо, но точно – она.

Ага, понятно, помещения для людей, обслуживающих жителей монастыря. А вот интересно, она ведь не церковнослужитель? Да нет. Точно нет. А жить при монастыре позволяют. Так бывает? Ладно, не так оно и важно.

– *Главное, чтобы тётка меня не заметила, а то точно шею намылит.* – сердить союзницу совершенно не хотелось.

Вернулась к двери на углу и потянула за ручку. Не поддалась. Дёрнула чуть сильнее, и тут раздался такой скрип, что у меня зубы свело. Казалось, слышно было на весь монастырь. Или мне со страху так померещилось?

Пение прекратилось:

– Донна, ты, чтоль, там бродишь? Чего неймётся-то?

А я уже тихо, как шерстяной клубок, кубарем влетала в свою комнату и запрыгивала под одеяло. Прямо с потухшей, но ещё горячей свечкой в руках. Теперь вот заделье на утро будет – воск отскребать.

Марта всё-таки заглянула, посмотрела на усиленно сопящую меня (я даже успела для достоверности вольно раскинуться по кровати). пробормотала: "Странно", и пошоркала к себе.

Позднее выяснилось, что там, куда я не попала, находились иконописные мастерские. А больше в этом здании ничего не было. И никакого намёка на подвал. И стоило оно таких нервов?

За пару дней до предположительного срока "освобождения", перестала притворяться такой уж слабой. А то, чего доброго, надумают продержать меня здесь ещё недельку. Тут прям следовало выдержать баланс, чтобы не выглядеть слишком здоровой и сытой, при этом достаточно живой, чтобы вернуться к обычному быту воспитанниц.

По истечении означенного срока, ранним утром ко мне явилась сухопарая Эльвина и сказала одеваться на беседу с настоятельницей. Путаясь в длинном подоле (ещё приноровиться надо носить этот широкий балахон), с самым скромным видом семенила следом за ней, потихоньку рассматривая открывшиеся горизонты.

Территория монастыря была довольно большой. Отдельным монументом высился храм для прихожан с окрестных деревень. Забегая вперёд, сразу скажу, что сюда народ съезжался по выходным дням. Для проведения служб имелся приходящий священник из находившейся неподалёку церкви.

Кроме огородного участка, который я видела из окна, имелся ещё садовый и пчелиный. А также своя квасоварня, башмачная мастерская и комната чеканщика. Ещё один храм, колокольня и строения, в которых, собственно, и жили воспитанницы и монахини.

У матушки Тейлы, естественно, отдельные покои с изолированными помещениями для сна и молитв, остальные в кельях по двое, а воспитанницы – в больших общих комнатах.

"Приёмная" настоятельницы находилась в пыльной библиотеке, куда и привела меня Эльвина.

Старуха, как за глаза величала её не только кухарка, и в самом деле оказалась довольно преклонных лет. Тучное, жабоподобное тело казалось вовсе необъятным из-за единого фасона одежд, принятых в обители. Разве только ткань, конечно же, отличалась лучшим качеством.

Маленькие, колючие, заплывшие глазки смотрели пристально и зло. Кажется, она никак не могла понять, каким образом мне удалось дожить до окончания испытания и не протянуть ноги.

Нудно прочитав длинную, полагающуюся случаю нотацию, жаба величественно махнула дланью, позволяя, наконец, убраться из библиотеки. Я вышла на улицу и вдохнула запахи лета полной грудью. Чую, то ещё удовольствие предстоит пережить в этом месте, пока не смогу на законных основаниях его покинуть. А там ещё разбираться с роднёй и неизвестным кандидатом в мужья.

Однако, первое испытание подстерегло меня гораздо быстрее, чем можно было ожидать. На первом же занятии хора. А пока я, наслаждаясь относительной свободой, шла навстречу Поле, радостно махавшей руками с огорода.

Глава 9

– Ну, наконец-то! – подруга сердечно обняла меня за плечи, а в ухо шепнула, – Старуха сильно мурыжила?

Судя по тому, что вопрос не был задан публично, я поняла, что и отвечать нужно с осторожностью. Поэтому, просто поморщилась и неопределённо пожала плечами, мол, потом поговорим.

Девчонки, что находились в поле зрения, по очереди обратили на меня внимание. Все по-разному. Кто-то дружелюбно улыбался, кто-то почти равнодушно отметил появление бывшей узницы, как данность. А вот черноволосая яркая девица полыхнула в мою сторону такой яростью, что сразу стало понятно, кто здесь врагиня.

Пара барышень блёклой внешности, колупавших землю рядом с ней, опасливо и колко бросали взгляды то в сторону брюнетки, то на меня.

– Как ты себя чувствуешь? – к нам подошла девушка, явно самая старшая из присутствующих.

Высокая, с изумительного цвета пепельными волосами, отмеченная той неброской красотой, на которой обычно отдыхает глаз. А вот её большие глаза не выражали ничего, кроме обречённой усталости. И вся она была такая потухшая, что казалась собственной тенью. Аж озноб по коже.

И тут же стало понятно, что вопрос был задан вовсе не с целью проявить участие, а ради того, чтобы определиться, на какой фронт работ меня направить. Ну так, чтобы по силам оказалось.

– Нормально. – ответила я, – Сносно.

– Иди, что ли, полоскать помогай пока.

– А можно я... с Полей? – глянув на сухое, но местами припорошенное землёй платье подруги, поняв, что она занята на другой деятельности, попросила я.

Знала бы, на что напрашиваюсь.

– На картошку? – равнодушное лицо старшей даже отразило намёк на удивление, – Как знаешь.

Что делать? Пошла. Впрочем, никакое из дел, которыми были заняты воспитанницы, нельзя было назвать лёгким.

Совершенно нерациональным казалось то, что труженицы не имели рабочего варианта одежды. Вот в чём пели, в том и пололи. Просто поддёргивали рукава и, сложив подол, хитро завязывали его за спиной на поясе, чтобы уменьшить длину. Понятно, почему у девчонок каждый день гора стирки, и почему цвет балахонов серенький – не так грязь заметна.

– Поможешь? – обратилась к Поле, даже близко не догадываясь, как правильно смотать конструкцию, – А то у меня руки назад ещё плохо заводятся.

Так кивнула и, развернув меня спиной, ловко управилась с задачей. Идти сразу стало ловчее, да и не так жарко. Солнце уже ощутимо пригревало чепчик, представляю, что будет днём.

– Ну всё, пошли. – шепнула напарница, направляя меня в заданную часть огорода, – Еле дождалась тебя, всё боялась, старуха передумает выпускать.

– Поль, а что она такая... – я ещё раз непроизвольно обернулась на старшую, уже взявшуюся за тяпку.

– Аврора? Точно! Так ты ж не знаешь. От неё родственники отказались.

– Как отказались? – опешила я.

– Да как водится. – подруга уже опустилась на колени, выискивая в сорняках молодые ростки картошки, – Пришло письмо, мол, разорились, не оставьте сироту и всё такое. Ей же совсем скоро восемнадцать. Тогда или на улицу, или в монахини. Приданного нет – кто замуж возьмёт? Э-эх, как уж она гримзу просила в работницах при монастыре оставить – так та ни в какую. Говорит, раз сестра Гелла преставилась, так теперь на её место замену надо. А помощниц и так хватает.

Голова пошла кругом. Одно дело отвлечённо почитать о чём-то подобном, отложить книжку и вернуться в свой защищённый быт, и совсем другое – вживую окунуться в подобное... блин, у меня даже слова подходящего сразу не нашлось. Остро кольнуло осознание, что обратной дороги – нет, выйти из этой реальности теперь можно только вперёд ногами.

Сидя в заточении, и то не чувствовала себя так тоскливо. Тогда всё ещё казалось приключением.

Подруга что-то бормотала рядом, а у меня перед глазами стояло безжизненное лицо Авроры, мешая разглядеть растительность и отличить сорную траву от полезной. Даже рукой перед лицом пришлось махнуть, чтобы отогнать наваждение. Собственная смелость сейчас тоже не казалась такой уж уверенной.

– Лирка, ты меня слушаешь? – напарница тронула за плечо, – Тебе там худо, чтоль? Передохни.

Я молча плюхнулась прямо на землю, отряхнула руки и мелкие острые камешки, вдавившиеся в голые колени.

Понимаете, обычно ведь как бывает, злость вызывает ответную злость, радость – улыбку, а вот такое... даже не отчаяние – безнадёжная апатия...

– Нет – нет – нет. Не поддаваться. Нельзя позволить себе лишиться жизненных сил и веры. – я даже головой тряхнула, – В конце концов, как там... не по силам крест не даётся? Да и полувековой накопленный "боевой" опыт – тоже вам не фунт изюма.

Поднялась и пошла к реке. Нужно было немедленно умыться, стереть отголоски упаднических настроений.

Ласковая вода, как всегда, помогла.

– Ну и колени тогда уж мой. – рядом раздался встревоженный голос Поли, – Всё одно сейчас на трапезу пойдём.

Подтверждая её слова, грянул колокол, и подруга тоже полезла умываться.

– Ты знаешь, – я пододвинулась к ней поближе, окуная руки в воду и отирая ноги, – наверное, мне и в самом деле не так хорошо, как думалось. А ещё...

– Что? – та замерла, повернув ко мне белобрысую голову.

– Я, кажется, кое-что позабывала. – сделав максимально правдивое лицо, прошептала я, – Ну, головой ударила – оно и вылетело.

– Плохо дело. – сразу поверила соратница, – Ты и в самом деле какая-то... не такая. Не знаешь, что и думать. Ладно. От меня не отходи, да помалкивай – а там видно будет.

На том и потопали вслед за бредущими с полей девушками.

"Столовая" представляла собой... Ай, да как и всё здесь – каменные стены, длинный деревянный стол, по бокам – такие же длинные деревянные лавки и убогая кособокая посуда. Помощницы Марты и "наряд по кухне" из воспитанниц раскладывали еду из котелков, ловко двигая те по центру стола.

– Понятно. *Ши, да каша – пища наша.* – подумала я, оглядывая содержимое мисок.

Впрочем, каким бы ни было однообразным меню, на нём вполне можно было жить. Тем более, что Марта, как раз подмигнувшая мне, пробегая мимо, была действительно мастерицей своего дела. Если хлеб – то духмяный и вкусный, если каша – то не размазня какая, а нормальное блюдо.

Правда, порции за общим столом оказались значительно меньше того, что она приносила мне в лазарет.

– Ну, это, наверное, потому, что на совсем уж сытый желудок не так жалостливо поётся. – памятуя о том, что дальше в расписании – хор, кивнула своим мыслям, – *Певец, как художник из известной поговорки, должен быть голодным.*

Храм, куда нас привели после еды, оказался, пока, самым красивым местом из всего, что я успела здесь увидеть. Атмосферу благодати создавали чистота, изобилие хорошо обработанного светлого дерева, свечи у больших, уже не бумажных икон и солнце, щедро заливавшие помещение тёплыми лучами.

С образов на нас смотрели добрые лики главных персонажей местной религии – брат и сестра – дети света, создавшие весь этот мир. Эту информацию успела почерпнуть из скромных запасов макулатуры, имевшихся в больничной комнате. Полной ясности листовки с отдельными молитвами не давали, но кое-что понять было можно.

Теперь Рину и Мараха можно было рассмотреть подробно. Оба, понятное дело, невозможно красивые. Длинноволосые блондины с голубыми ясными глазами и добрейшими улыбками.

Так, ладно, потом налюбуюсь. А сейчас благообразная сестра с простоватым, но довольно располагающим лицом, разводила нас по местам. В связи с выздоровлением солистки, в расстановке хора происходила рокировка.

И вот тут мне стало по-настоящему плохо, ибо "солистка", вдруг, осознала, что не знает ни одного слова из того, что предстоит петь. Почему об этом раньше не подумала?! Да потому, что впечатлений гора, а информации столько нужно изыскать, что не знаешь, за какую задачу ухватиться вперёд. И в ресурсах памяти не просто пробел, а один большой провал. Не досталось этому телу воспоминаний, и всё тут. И что теперь делать?

Глава 10

Сестра Фреда хлопнула в ладоши, призывая хористок к дисциплине, все замерли, она взмахнула руками и... я мягко сползла на пол.

Нет, колени у меня готовы были подкоситься самым натуральным образом, но упасть бы – не упала. Однако, оценив ситуацию, решила, что в данный момент это станет лучшим выходом.

– Лира! – Фреда и стоявшие рядом девочки бросились, кто дуть мне в лицо, кто помогать подняться.

– Простите, я, наверное, немного перегрелась на солнце. – усиленно перебирая ногами, при поддержке Поли и других хористок добралась до лавки.

– Сестра Фреда, пожалуйста, можно она немного посидит. – подруга, молитвенно сложив ладони, за меня попросила руководительницу хора, – ей... столько пришлось пережить. Да и пост...

– Знаю. – та нахмурилась куда-то в сторону, так, что стало непонятно, на меня сердится, или потому, что внутренне не одобряла применённые ко мне меры. – Так, девушки, по местам. Лира сегодня ещё отдохнёт. Леся, займи её место.

Для начала, как и положено, немного распелись несложными упражнениями.

Затем соперница, горделиво занимавшая место в центре, одёрнула платье, одарила меня полным превосходства взглядом и запела.

Надо признаться, талант у неё был. Сочный голос красиво вывел первые звуки гимна. Следом подхватили ещё двое, а дальше вступил весь состав. Песнопения в храмах всегда звучат по-особенному. Тут и строгость пения а-капелла, и акустика, и торжественность текстов, которые лично я никогда не могла разобрать.

Клянусь, даже сейчас, сидя в двух метрах от поющих, с большим усилием различала лишь отдельные слова, смазанные многоголосым эхом. Речь шла о божественных родственниках, и что-то про то, чтобы они не плакали о нас. Больше – ничего не понятно.

Однако, моя маленькая уловка с полубормоком, направленная на то, чтобы посидеть слушательницей и позапоминать тексты с мелодиями, оказалась не такой уж бесполезной.

Где-то к середине третьего гимна, я поймала себя на том, что мысленно пою со всеми. Пусть без слов, на уровне "ля-ля-ля", но понимая, куда сейчас пойдёт мелодия. То ли от того, что церковные каноны не отличаются большим разнообразием тем, то ли где-то в доставшейся мне голове всё-таки хранились воспоминания, задавленные новой личностью, обладавшей собственной памятью.

– Так, уже хлеб. – размышляла я, – *Теперь бы ещё с содержанием песен разобраться, и вопрос можно будет решить. Да. Ещё изыскать возможность порепетировать в одиночестве, без пристального постороннего внимания.*

Честно говоря, к концу занятий голова уже просто раскалывалась. Красиво это вот всё, но монотонно – до одурения. Особенно, когда приходится всё время напрягаться, чтобы разобрать смысл.

Отпустив девчонок, сестра Фреда задержала меня и присела рядом. Кроме нас в храме никого не осталось. Скоро явятся сёстры, следящие за порядком, но пока мы были вдвоём. Сердце сжалось нехорошим предчувствием.

– Лира, через две недели большой праздник. Если ты не успеешь прийти в себя, боюсь матушка-настоятельница... будет очень недовольна.

Выражение её лица при этом красноречиво говорило о том, что мне такого варианта просто не простят.

– Что же делать? – растерянно глянула в лицо собеседницы.

Новость была из разряда "хуже не придумать". В одиночку, и даже при поддержке Поли, в в новых обстоятельствах не справиться. Придётся рискнуть. Тем более, что Фреда явно не проявляет признаков неприязни. Да и, думается, тоже заинтересована в моём успехе, ибо в случае провала – не поздоровится и руководителю хора.

– Сестра, я могу просить вас о помощи?

– Слушаю тебя.

– Возможно ли получить разрешение репетировать одной.

Собеседница сделала недоумённое лицо, пытаясь подобрать правильный ответ.

– Я понимаю, что днём меня просто так никто не освободит от работы. Но... например, по ночам.

И, тщательно подбирая слова, поведала ей уже набившую оскомину версию про частичную потерю памяти. Мол вот тут – помню, а тут – не помню. Музыка – в голове, а слова выпадают.

– В порядке проявления дополнительного рвения в вере, может быть и... может и разрешат. А сборник гимнов я тебе дам. Только ты знаешь, что... лучше просись в затворную келью для этого. Так оно спокойнее будет. – та снова нахмурилась и покачала головой, – Сил-то хватит? И так душа в чём теплится, если ещё и без сна...

– У меня выхода нет. Жаль, что в храме отрепетировать не получится.

– Вот что, я для тебя подберу что-нибудь новое – сольное. И скажу, что это специально к празднику, а для того – нужны отдельные занятия. Попрошу, чтобы была возможность оставаться после общей программы и упражняться отдельно. Вот и подтянем твою память.

– Спасибо. – кивнула я, а про себя подумала, что заниматься в этой, как её... затворной келье всё-таки придётся. Петь, а точнее разучивать незнакомые тексты, выдавая свою неосведомлённость, в общей комнате, да ещё и по ночам – вариант неподходящий. А иного свободного времени у воспитанниц просто нет. – Вы только никому не говорите про мой недуг, пожалуйста.

– Да уж это-то понятно. Ступай.

Но старухе Тейле о нашем разговоре всё-таки рассказали. Кто-то подслушал и донёс. И к вечеру меня снова потащили "на ковёр".

Господи, я так вымоталась за этот длинный день, наполненный переживаниями и тяжёлой физической работой, к которой в прошлой жизни никогда не имела отношения, что известие о провале секретности новых планов буквально вышибало слезу. Злую. Пришлось приложить определённые усилия, чтобы перед самой дверью натянуть на лицо положенную случаю маску смирения.

Злобный взгляд настоятельницы, ткнувшийся в меня прям с порога, моментально вызвал ответный всплеск гнева. Да я не помню даже, когда в последний раз испытывала ощущение подобной беспомощной зависимости. Может, вообще никогда.

– *Тихо, ти-ихо.* – приговаривала самой себе, заставляя опустить глаза и прилежно сложить ручки, – *Ещё придёт время, когда можно будет сказать ответное слово. А сейчас основная задача – дожить до момента освобождения.*

Понятия в тот момент не имела, чем уж слово молодой девчонки сможет повредить такому персонажу, как настоятельница монастыря. Церковной власти, видимо, в любых мирах указа ни от кого нет. Государство не имеет не только рычагов влияния, но даже самого права на какое-либо вмешательство в её внутренние дела.

Но тогда мне было плевать на доводы логики и здравого смысла. Ради того, чтобы не скатиться в полную безысходность и оправдать вот это вынужденное овечье поведение, жизненно необходимо было верить, что найду способ вернуть неприкасаемой жабе земную прикасаемость.

Каждой клеткой чувствовала волны исходящей из неё ненависти, порождённой...

– *О-па! А ведь она меня боится!* – в голове замелькали новые открытия и догадки, – *Ума не дам, чем Лира могла так напугать старуху. Да-да-да... Необходимость возвращать часть средств, оставленных родственниками на содержание (во что я, кстати, не очень-то верю) и перспектива лишиться "курицы, несущей золотые яйца" – слишком уж неубедительные причины для подобного отношения и поведения. Мотивчик, как говорится, слабоват. А бабка ведь и в самом деле, будь в её силах, испекли бы меня взглядом прямо на этом месте и прямо с вот этим ковриком.*

Из вороха размышлений напрашивалась одна версия, которую стоило проверить.

– Мне рассказали, что ты не вполне здорова, Лира. Возможно, срок поста оказался слишком коротким и недостаточно строгим для полного исцеления, и имеется необходимость его продлить. Чтобы к великому празднику ты вернула духовные силы и смогла достойно принять в нём участие. Я прослежу, чтобы твоё затворничество было более... уединённым.

Мои опущенные долу глаза едва не вылезли из орбит от нарисовавшейся перспективы. То есть, это она сейчас прямо намекнула, что впереди карцер, скорее всего с запертой снаружи дверью и ещё больше урезанным рационом? Исключая из двух позиций половину, получается голая вода?

Если прямо сейчас ничего не придумать, чтобы остановить Тейлу в её стремлении угробить меня окончательно, то... это конец.

И я решила идти ва-банк, опираясь на сложившуюся собственную версию происходящего. Всё равно скрываться смысла не осталось – старухе донесли суть моего признания сестре Фреде, это очевидно. Могли ещё и своего добавить или перевернуть. Ладно, хуже уже не сделать. Просто некуда хуже-то.

Глава 11

– Матушка Тейла! – запричитала я, ненавидя за это себя, вместе со старухой, – Мне следовало сразу признаться, но, каюсь, побоялась. Дело в том, что... я многого теперь не помню. Наверное, сделала что-то неправильное, раз светлые Рина и Марах отняли у меня часть памяти.

На этих словах лицо настоятельницы слегка расслабилось, и я поняла, что двигаюсь в правильном направлении.

– А не лжёшь ли мне? – сурово спросила она.

– Клянусь всеми святыми, как есть половину позабывала. Не помню ни как приехала, ни как жила, ни как упала, даже часть слов гимнов стёрлись из головы. Вы у сестры Фреды спросите, она подтвердит.

Специально вот это "не помню, как упала" вставила в середину тирады, чтобы прозвучало не слишком акцентированно, и не вызвало мысли о том, что сама считаю этот факт ключевым. Тем не менее, судя по тому, что у Тейлы в этот момент в глазах отразилось явное облегчение – самое важное она услышала. И это заставило её колебаться в правильности своего решения.

Конечно, будь она по-прежнему уверена, что я знаю о ней такое, за что, не смотря ни на что, следовало обречь на смерть опасную свидетельницу, именно так бы и поступила. Ясное дело, придушить подушкой или ножичком по горлу – не вариант. А вот мучительно заморить голодом, обозначив для всех правильную мотивацию подобного заточения – вполне по возможностям.

И тем не менее, это тоже рискованно. Ведь наблюдателями сей извращённой пытки станут жители всего монастыря. Так что, если есть возможность избежать столь публичного убийства, иначе не назовёшь, то её надо использовать. В случае чего, потом ведь ещё и перед родственниками оправдываться.

Всё это мы сейчас обе крутили в своих головах.

– Телесно пресветлые помогли мне поправиться быстро, а слова канонов стёрли для того, чтобы я теперь проявила большее рвение в духовном учении и вере. – с самым убедительным видом несла я полную галиматью, – Сама сегодня же хотела просить дозволить проводить ночи в затворной келье в молитвах и занятиях.

– Иди спать, я подумаю. – старуха привычным жестом отпустила меня с экзекуции. – Всё в воле Всевышнего.

– Ага, это ты себя, что ли, скромно к его могуществу сейчас причислила? – мысленно ругнулась я, – *Фу-у-уф! Кажется, удалось.*

Окончательного вердикта мне не огласили, но то, что прямо сейчас не отослали в камеру особого заключения – уже хороший знак. То ли сказанные слова, то ли несчастный вид убедили Тейлу в моей искренности. Впрочем, выглядеть правдивой было не сложно – я ведь и в самом деле ничего не знала. Но обязательно выясню.

– *Эх, Лира, оставила ты мне "наследство". Хоть бы предупредила тогда во сне, знак бы какой дала. А то "всё плохо", понимаешь, но "я справлюсь". Очень вдохновляет.* – на полусогнутых ногах брела в спальню, понимая, что только что сумела отодвинуть собственную смерть, – *А девчонку-то, как и предполагалось, бабка гнобила именно из-за подвала. Узнать бы, где он. Сильно интересно, что же за тайны там хранит настоятельница.*

В большой комнате, заставленной кроватями, горела всего одна свечка. Поля подхватила меня под руку у самых дверей и усадила на мою койку. Тут же рядом приземлились Тинка и худышка, которую на самом деле звали Мейлин.

– Ну ты как? Что старуха решила? Мы тут испереживались! – возбуждённым шёпотом соседки и подруга засыпали меня вопросами и версиями, – Это тебя Леська сдала! Точно говорю!

– Да не-ет, она после хора со мной на мосточке стирала, не могла она.

– Тогда кто?

– А кого с нами не было – тот и донёс.

– А ты что, правданичегошечки не помнишь?

– Что же теперь будет?!

Голова шла кругом, надо было лечь и спокойно всё обдумать, а тут приходилось сообщать, что отвечать на их эмоциональное сочувствие. На выручку пришла Аврора:

– Оставьте её. Видите же – ног не чуёт. Раз сюда пришла, значит, пока всё хорошо. Расходитесь по кроватям – работы завтра много.

– У нас всегда работы много. – побурчали мои союзницы, но старшую послушались и нехотя разошлись по местам.

Свечу погасили, уставшие за день соседки одна за другой мирно засопели, а я лежала в темноте и пыталась найти ответы на остро навалившиеся вопросы.

– *Кто, в самом деле, из воспитанниц, кроме брюнетки, так яростно желает мне зла? Или для них это – норма. Может быть сестра Фреда не выдержала груза нехорошей тайны? Девочки такой версии не озвучили, да и мне она не показалась трусливой или слабохарактерной. Хотя... да кто их тут разберёт. За день разве можно понять? Отчего бабка так переполошилась, когда узнала про моё беспамятство – наоборот ведь, должно было успокоить. Или ей чего-то сверху наплели?*

– *И ещё, почему Тейла напоследок сказала: "Всё в воле Всевышнего", а в храме нет никакого изображения, подходящего на эту роль? Только божественных брата и сестры.* – последняя мысль выпадала из ряда предыдущих, но тоже была важной.

Что-то в местной религии я крепко недопонимала. Надо и в самом деле внимательно почитать, да разобраться. Причём срочно. В этом моменте категорически нельзя накосячить – никакие песни про амнезию не спасут.

Ночь прошла почти без сна. Утра я ждала с трепещущим сердцем.

Однако, с ударом колокола, означающим время подъёма, никто за мной не пришёл. Весь день вздрагивала на любое движение в свою сторону, от каждого шороха тело простреливал миллион иголок. Девчонки из соперяживающих моей ситуации тоже были напряжённо-молчаливыми. Все ждали, когда настоятельница примет решение и донесёт его до сведения "подсудимой".

На занятиях хора сестра Фреда тоже никак не прояснила ситуацию. Со сдержанным лицом провела репетицию и отпустила всех на работу. Надеюсь, что как вчера задержит меня и хоть как-то намекнёт на положение дел, но нет. Это была настоящая пытка. Я, конечно, пыталась успокоить себя тем, что до сих пор нахожусь на свободе. Но это слабое утешение перечёркивалось жирным вопросом: "Надолго ли?"

Только к вечеру в спальню вошла сухая и сгорбленная, как кочерга, ближайшая сподвижница настоятельницы – Эльвина. В руках ведьма держала кипу макулатуры.

– Одевайся, матушка Тейла милостиво дозволила тебе проводить ночи в затворной келье. – глядя на меня скрипнула она.

Мамочки мои, какое это было облегчение. Напряжённое ожидание всего бесконечного дня едва не хлынуло из глаз ручьями слёз.

– *Ну уж нет. Не дождётеь.* – я, как и все соседки, уже разделась ко сну.

Вылезла из под одеяла и снова полезла в платье.

– Поторапливайся, я сама тебя провожу. – добавила надзирательница, – Да воду возьми.

– *Понятно, жизнь мне оставили, но следить и проверять теперь будут крепко. Ладно, с планами на розыск подвала придётся погодить, пока недоверие Тейлы не уляжется.*

Эльвина вывела меня из жилого корпуса, если его можно так назвать, и повела куда-то в опускающиеся тёплые сумерки. Шли долго, я уже даже волноваться стала. Сейчас спихнёт куда в овражек и книжками присыплет. А там скажет, мол, сама опять навернулась и шею сломала.

На всякий случай, отстала от своей сопровождающей на несколько шагов и внимательно вглядывалась под ноги, послеживая за фигурой впереди.

Наконец, пришли к какой-то горе. Ничего себе, эта самая келья была вырезана прямо в ней. Может, и не одна. Такое впечатление, что нога живого человека не ступала сюда с самого момента сотворения сего каземата. Ну или около того.

Сыро, прямо скажем, не жарко и темно. Два очень условно разделённых помещения. В одной зоне – старая, гнилая солома, на которую ступить-то противно, не то, чтобы лечь. А это было, как понимаю, именно место для сна. В другом – низкая наклонная стойка, куда Эльвина водрузила взятые для меня бумаги. Читать, используя это приспособление, возможно только в позиции "на коленях".

Из рукотворных предметов здесь, собственно, больше ничего и не было. Вот эта стойка и дверь, которую ведьма, уходя, заперла на ржавый замок.

– *Вот уж, воистину, склеп.* – я сглотнула вязкую слюну и, поставив у необработанной стены кувшин, взяла в руки оставленную свечу. – *Поглядим, что у нас тут имеется.*

Глава 12

Находиться в столь неприятном пространстве, да ещё и запертой снаружи было, прямо скажем, некомфортно. Где-то даже на грани клаустрофобии, хотя в прошлой жизни я подобным недугом не страдала.

Подошла к двери, пошатала. Замок, кажется, крепкий. А вот сама дверь – обветшала. Вон и щели появились, значит без кислорода не останусь. В случае крайней нужды, думаю, даже вынести получится. Ох, хотя всё время забываю, что на фоне меня прежней, нынешнее тело приличным весом не обладает.

Ладно. Надо отвлечься, чтобы до панических атак себя же не довести. Пошла разбираться с кипой макулатуры, оставленной мне для изучения.

Корячиться всю ночь на коленях не хотелось категорически. Поискала по углам и прикартила булжик, на котором можно сидеть. Жёстко, но всяко удобнее, чем коленки протирать.

– Ага, глядим. – сортируя листки, брошюры и один довольно толстенький томик, бормотала я, – Здесь у нас, значит, тексты гимнов, а сюда сложим всё, что связано с религией.

Понимая, что долго на камне высидеть будет не так-то просто, в первую очередь взялась изучать основные положения веры. Как и предположила до этого, томик представлял собой подобие нашей библии. Читать-не перечитать. Ну ладно, для начала хотя бы суть уловить. И понять, кто есть Всевышний, и почему его нигде нет.

Как водится, интересующая меня информация по самым азам располагалась в самом начале.

Всё объяснилось до смешного просто. За полчаса чтения, удалось выяснить, что глава и создатель божественных брата и сестры – свет. Ну или, если хотите, Свет. А у него, как мы понимаем, нет лица. Это вот явление и обозначалось понятием "Всевышний".

Так, с этим всё понятно. "И создали они... " бла-бла-бла... " И пошли..."

Через час скрюченного сидения ноги заметно затекли. Решила сделать перерыв и обратить внимание на тексты. Петать можно и расхаживая по камере.

– Ох! – поднимаясь, выдохнула я.

Правую ногу ещё и отсидела, отчего в неё тут же впились туча стеклянных осколков.

– Так. – хромывая по "горнице", расхаживалась я, – "Не плачь обо мне светлая Рина..."

Кошмар.

Когда нет ни крошки внутренней убеждённости и ни капли чужой веры, подобные тексты не вызывают ни малейшего отклика или интереса. Но, как говорится, выбирать не приходится. Я бродила из угла в угол, монотонно зубря слова и вспоминая, к какой мелодии они относятся. А потом попробовала запеть, и даже осеклась на первых звуках.

О, боги, мой голос даже в глухом подземелье звучал... как в том самом сне, где я пела внуку.

Внутри всё затрепетало. Дело в том, что до этого момента и в голову не приходило запеть вслух. Сейчас случился первый раз, когда я слышала сама себя. Как-то до сих пор ни настроение не располагало, ни ситуация. И простите мне мою нескромность, сие было божесно. Даже настроение поднялось.

Хлебнула водички и с новым интересом продолжила упражняться, исследуя новообретенные способности.

Так и намотала в угаре нервного возбуждения по келье какой-то бешеный километраж, пока не поняла, что совершенно выдохлась. Присела снова на свой гранитный стул, открыла "жития святых", но глаза уже просто слезились от усталости. Посидела ещё немного, снова

попила, сползла прямо на землю к стеночке, скукожилась в комочек для сохранения тепла и задремала.

Эльвина пришла за мной, когда рассвет ещё только собирался тронуть небо. До традиционного удара колокола к общему подъёму. Склеенные ресницы отчаянно схлопывались обратно, всё тело занемело так, что вообще непонятно, как удалось расправить кости из слежавшегося клубка. Вяло перебирая ногами, шла за своей провожатой, думая о том, что впереди ещё целый день тяжёлой работы, а я уже смертельно устала.

Дотопала до реки, умылась, чуть посомневавшись и оглядевшись вокруг, всё-таки скинула платье и вошла в воду. У-ух... Вода казалась прям таки лечебной. С наслаждением двинулась в недалёкий заплыв, каждую секунду ожидая звука колокола. Не зря прислушивалась. Вскоре он грянул, и пришлось с великим сожалением спешно выпрыгивать на берег, одеваться и идти переодеваться в спальню.

Тихо скрипнула дверь, на пороге кухонно-больничного корпуса появилась Марта и беззвучно поманила меня пальцем.

– На вот. – поварила, озираясь по сторонам, сунула мне в руки бутерброд с маслом, – только прям здесь ешь, пока никто не видит. Изголодалась, поди, бедная. Слышала, что на ночь в гору уходишь. А там-то... Э-эх, загубишь себя, девонька.

– Спасибо, Марта, ты – мой ангел-хранитель, не иначе. – запихивая в рот сразу почти половину угощения, сыпля крошками, пробормотала я.

Помощь сердечной тётки невозможно было переоценить. В моей ситуации, даже вот эта горбушка – капля дополнительной силы.

– А я тесто ставила, да заприметила, как ты к реке пошла. Дай, думаю, подкормлю. Эльвина-то ушла. Давай, дожёвывай, а то скоро люди попросыпаются и выходить начнут.

Я только согласно кивала, стараясь как можно быстрее слопать бутерброд.

– Ты теперь каждый раз приходи, я караулить стану. Вот, доела? Ну всё, беги.

Сжав на прощание пухлую руку, побежала переодеваться, чувствуя, что после купания и перекуса стало значительно легче. Разве только платье, прилипшее к мокрому телу, холодило спину и грудь. Но это уже поправимые мелочи.

Девчонки встретили меня переживательным гомоном. Это хорошо, что вражеский корпус ночует в другой комнате. Дружеский же искренне сопереживал. Кажется, они здесь серьёзно опасались, что меня из кельи не выпустят – так и оставят взаперти, горемычную. Опять, перебивая друг друга, завалили вопросами, пока Аврора, по своему обыкновению, не построжилась, поторапливая всех на выход.

В желудок к бутерброду упал скудный монастырский завтрак, и всё пошло по заезженному кругу. Работа, занятия хора, с встревоженными взглядами сестры Фреды (на выходе успела шепнуть ей, что завтра стоит попробовать продолжить индивидуально, мол, пусть постарается договориться), снова работа, ну и как обычно – до вечера.

На ночь Эльвина снова под конвоем повела меня в пещеру с дверкой. Как только замок лязгнул, отрезая от внешнего мира, плюхнулась на свой камень, размышляя о том, что второго подобного ночлега не переживу. А из чего организовать спальное место – ума не приложить.

Встала, поворошила ногой гнилую солому – нет. Этот вариант – безнадёжен. Надо хоть свежего сена попросить, что ли. Простыну ведь – как петь буду?

Взяла свечу и пошла ещё раз обшаривать каждый закуток. Вследствие того, что помещение не являлось геометрически правильным, таковые имелись.

Обратила внимание на груды камней в углу "молельни". Точнее, я и вчера её видела – оттуда же и притащила булыжник для сидения. Сейчас же, обследуя камеру более внимательно, заметила кусок грубой дерюги, торчащий из каменной горки.

– И что это у нас? – с любопытством взялась тянуть удивительным образом не развалившееся в руках полотно из-под миниатюрного завала.

И чего я так за эту тряпицу уцепилась – сама не знаю. Ясно же, что лежит тут сто лет, и вряд ли годна к применению. Но нет же. А вдруг хоть какой клочок удастся выгадать и постелить на землю под попу.

Понимая, что если просто тянуть – то, скорее всего, старая ткань просто порвётся, взялась разгребать насыпь, один за другим скидывая булыжники по сторонам. Почти всю горку разбросала, остался последний, который никак не хотел поддаваться.

Уперлась спиной в стену, ногами в упрямую плоскую каменюку, поднажала, тот подвинулся, освобождая желанную цель, я встала на землю и... ухнула куда-то вниз, клацнув зубами и едва не откусив собственный язык.

Пятая точка больно ударилась о твёрдую поверхность и заскользила ещё ниже. Сверху же, добавляя печали ситуации, посыпалась пыль, мелкие камешки и комочки сухой земли.

Глава 13

Не знаю, что за затворник был инициатором создания этой пещеры, но реальное уединение не являлось его единственной целью. Это – факт. Потому, что доски, случайно обнаруженные мной, прикрывали лаз, который сверху для сохранности тайны его существования привалили камнями.

– Любопытное открытие. – с трудом поднимая одну из тяжёлых плах за конец, который удалось освободить, комментировала находку, – И куда же оно ведёт?

Среднюю доску удалось своротить. Но даже для худенькой Лиры получившаяся дырка была маловата. Пошатала оставшиеся две, которые, казалось, успели корни пустить в землю, взялась за ту, что, вроде, хоть немного пошевелилась. Поднатужилась, и... с треском рухнула вниз. Третья доска, которую я неосмотрительно выбрала в качестве опоры, оказалась прогнившей, и проломилась подо мной самым подлым, предательским образом.

– Ох! М-м-м! Чё-орт! – клацнув зубами и едва не откусив собственный язык, громко ругнулась вслух.

Пятая точка больно ударилась о твёрдую поверхность, и я заскользила ещё ниже. Сверху же, добавляя печали ситуации, ощутимо царапнув плечо, прилетел обломок деревяшки, посыпалась пыль, мелкие камешки и комочки сухой земли.

Слава богу, стремительно начавшийся спуск, закончился так же молниеносно. Я выкатилась в довольно просторный ход.

– Прелесть какая. – буркнула я, поднимаясь и заглядывая туда, откуда только что пришла, – Подземный ход. Но без освещения я в эту темень не полезу ни за какие коврижки.

На подъёме в келью пришлось, таки, попотеть. Всё же, я не Лара Крофт, опыта не имею. Не имела. С пятой попытки сообразила, как поднять лёгкое тело наверх, нашлись и приспособленные прежним хозяином для этого углубления. Хорошо хоть свечу догадалась поставить ближе к своим раскопкам. Осторожно взяла свой единственный источник света и, не дыша, медленно и контролируемо спустилась вниз.

Лаз, в который я так удачно провалилась, оказался явно природного происхождения. Но кое-где, всё же, было заметно, что руку для его расширения какой-то дельный человек приложил.

Где-то ползком, где-то лишь низко наклонившись, я продвигалась вперёд, молясь о том, чтобы не упереться в завал. Каменная масса над головой давила на сознание, тоненькой струной натягивая нервы. ненадёжно подрагивающий огонёк свечи едва позволял видеть, куда тащит меня собственный энтузиазм, подпитываемый авантюризмом давно прошедшей молодости...

В голове ярким воспоминанием нарисовалась экскурсия в Каир. Это ещё в самую первую поездку в Египет времён прошлой жизни. Как сейчас помню, стоим мы перед теми великими пирамидами (которые, кстати, вживую тогда показались гораздо меньше, чем рисовало воображение), а девочка-экскурсовод из русских нам и говорит: "Услышьте меня, дорогие соотечественники. Имеющим хоть малейший намёк на сердечные проблемы, боязнь замкнутого пространства, астму и тому подобное – испытывать судьбу ради удовлетворения любопытства категорически не рекомендую. И когда вам скажут, что дышать в пирамиде тяжело – не верьте! Врут! Там не тяжело дышать, а невозможно."

Во-от, тогда даже благоразумно послушалась – не пошла. А теперь вот ползу. А у самой поджилки трясутся. Некоторые отрезки лаза ещё допускали возможность развернуться и двинуть назад, а какие-то – только вперёд.

Единственной причиной, заставлявшей бороться со страхом, была надежда на получение возможности свободно перемещаться по ночам. Когда все спят, а "начальство" свято верит, что я заперта в надёжном месте.

Как всегда бывает, когда дорогу проходишь первый раз, путешествие по этой горной норе казалось бесконечным. (Обратный путь, кстати, закономерно получился заметно более оптимистичным.) А пока что я ползла, тряслась и напряжённо вдыхала густой воздух в ожидании, когда же, наконец, потянет свежестью внешнего мира. По крайней мере, именно так герои приключенческих фильмов и книг, обычно, определяют, что конец мучений близок.

– *Чёрт же дёрнул с бухты-барахты сразу нырять в самое д... неизведанное!* – ругая себя на все лады, гребла конечностями я, – *А теперь ползи и впечатляйся опытом жизни дождевого червяка.*

Идиотский балахон путался в ногах, его пришлось просто задрать и придерживать плечом и подбородком, что тоже никак не добавляло движению комфорта.

Не знаю, то ли лаз был слишком узким для существенного сквозняка (тем более, что моё тело его почти полностью затыкало), то ли я – балда полоротая со слабым обонянием, но прибавку кислорода уловила в самый последний момент. Уже прям когда почти выпала в кусты. Да и огонек свечи приободрился и затрепетал на ветру.

Не чуя себя от счастья, там же и увалилась в траву, перевернулась на спину и минут десять просто таранилась в чистое звёздное небо, не веря, что всё получилось. Что выход нашёлся, что его не завалило камнем, да что вообще выбралась из этого подозрительного места.

Вволю надышавшись, села, пытаюсь сообразить, куда попала. Место выхода густо поросло дикой растительностью. Пришлось попытеть, чтобы выдраться из сети тонких цепких веток плотного кустарника.

Оглянувшись назад, тут же пожалела о том, что полезла "буром" – в однородной паутине растительной массы явно нарисовался просвет, выдавая постороннее присутствие.

– *Как сохатый ломился, ей-богу.* – тщетно прилаживая поломанные ветви на прежнее место, ругала себя, – *Ничего, поди, воскреснут.*

Может, я, конечно, на воду дую, но на обратный путь стоит поискать окольные просветы. Мало ли кого мимо понесёт. Тайну подземного хода стоит оставить тайной.

Оглядела собственное состояние: платье безбожно уделала, но хоть каким-то чудом не порвала – и то хорошо. Колени – в хлам изнахратила об острые грани одичавшей тропы. Кое-где и ладони пострадали. Я уж молчу про количество набитых шишек. Ладно, главное, что цель – достигнута. Отряхнулась, как получилось, подняла глаза, а впереди...

Вниз неглубокой чашей расстилалась долина, в сердцевине которой редкими огоньками обозначился небольшой городишко. Даже пару шагов сделала в сторону нормального жилого тепла, но вовремя остановилась. Рано. Никто не гарантирует, что там я не обрету ещё больше проблем, чем сейчас. Точнее, они точно возникнут у барышни в монастырском балахоне без гроша за душой. Я ведь даже ещё не знаю, как у них эти гроши называются, не то, что зарабатываются.

Стоит получше разобраться в устройстве здешних мест. Да и родственники опять же... Не знаю. Мысль о них не вызывала оптимизма, хоть Марта и пыталась уверить меня в том, что они хорошие. Понятное дело, по законам сего времени, может, и нормальные. Но запихать племянницу в монастырский ад ради того, чтобы она не противилась перспективе пойти замуж за какого-то левого мужика, выбранного ими из соображений... да чёрт их знает. Ещё посмотреть, о чьём благе эта "забота".

Самым важным теперь казалось то, что у меня теперь точно есть альтернатива. Возможность уйти из монастыря, на границе земли которого и стояла сейчас. Уйти так, что сразу не хватятся. Понятно, что не сюда, не в эти слишком близкие огни, но на волю. Эх. Что ещё та воля сулит. Но выбор у меня всё-таки появился.

Немного побродив по окрестностям, опасаясь отойти далеко и потерять ориентир для возвращения, всё же разобралась, на каком краю нахожусь, и где находятся ключевые монастырские строения. Пора было топтать обратно. На сегодня хватит. Ещё песенки поучить надо – сама же сестре Фреде пообещала, что буду готова к репетиции.

– Фуф! – как пловец перед затяжным нырком, вдохнула воздуха, аккумулируя мужество на обратный путь.

Колени саднили нещадно, но я старалась о них не думать. Следила только, чтобы огонь не погас. И за считанные минуты преодолела расстояние, совсем недавно мнившееся петлёй Мёбиуса.

Наверх подняться уже совсем не составило проблемы.

А сквознячок, кстати, появился. Вя-а-лый такой, едва колышащий пламя огарка, он стал для меня символом призрачной независимости.

Тщательно восстанавливая порушенный курган, я думала о том, что завтра обязательно попытаюсь окольными путями вывести хотя бы намёк на то, как прежняя Лира утратила здоровье. Где находится это запретное место? Не получится, значит, послезавтра. А в следующую ночь, может, даже отважусь подглядеть на жизнь городка.

В любом случае, я это сделаю. Прежде, чем бросаться в омут с головой, стоит воочию "проверить дно".

А сейчас – "Слався Марах!.." – изучаем народный эпос. Рассвет не за горами.

Глава 14

Наступивший день стал для меня настоящим испытанием. Как ни крути, ни юный возраст, ни относительно крепкое здоровье не отменяют для организма сна, который в последнее время был не просто в дефиците, а практически отсутствующим пунктом программы жизни.

Купание и бутерброд Марты взбодрили лишь на короткий отрезок времени. Часам к девяти, я, незаметно даже для себя, рухнула под кусточек, куда заползла в аграрных работах, и задрыхла. Вот тем дурацким сном, когда чувство вины не даёт расслабиться полностью. Слышишь, что происходит вокруг, снится, как выполняешь несделанное, мучаешься совестью, но встать – никакой возможности.

Вот сквозь этот полубред-полуявь расслышала, как взвизгнула Леська на подобную наглость с моей стороны, и как неожиданно резко и решительноотреагировала старшая на угрозу донести до внимания монашек информацию о моём непотребном поведении.

– А ну тихо! – скомандовала Аврора, – всем работать, и даже не смотреть в ту сторону! Или ты думаешь, что МНЕ нечего рассказать сестре Эльвине или матушке Тейле?

На том коротком отрезке времени, что я здесь находилась, это был первый случай, когда старшая, вот так открыто проявляя характер, встала в оппозицию, кого-то защищая.

С огромным облегчением и благодарностью позволила глазам закрыться и уснула нормальным крепким сном. Даже не думала никогда, что тёплая, но жёсткая земля может казаться таким пухом. Ну это возможно, видимо, только когда на самом деле хочешь спать.

Разбудили меня к обеду. Маловато, конечно, для нормального отдыха, подпрыгнула чумная, плохо соображая, где нахожусь, и почему вокруг – поле, а не кровать, но и этого оказалось достаточно, чтобы хоть немного прийти в чувство.

Стряхнув остатки сна, поплелась на трапезу, думая о том, что настоящей сильной союзницей здесь в полной мере можно считать даже не подружку Лиры, не девчонок, что наперебой переживали за моё положение, а вот эту Аврору, которая вовсе не пыталась затесаться в близкий круг друзей, но просто взяла и отбила меня беспомощную от нападков и вполне реальных, осуществимых угроз сдать начальству на закланье. Ценный факт.

После общих занятий в храме, в которых я всё ещё не участвовала, осталась с сестрой Фредой, как и обещала. Зря, что ли, остаток ночи распевала гимны? Энергично растерев лицо, подавляя зевоту, встала в центре зала, вздохнула, посмотрела на лики тех, о ком сейчас буду петь, дождалась сигнала от Фреды и взяла первую ноту. Сонливость, как рукой сняло.

Нет, я же уже знала, что обладаю уникальным голосом. Однако, сами понимаете, звучание в тухлой пещере и в акустике храма – отличались разительно. Да ёжкин хвост! Это ошалеть, как круто!

– Э-э-э-о! – от души вывела я, – Э-э-э-э-о! Эо – эо – эо – э – э – эо – эо – эо – э – э – эо – эо – эо – э – э – э ...*

Прости меня Фредди, не смогла устоять. Да подобные звуки по определению для меня были недостижимы! Но сейчас...

Сестра-хоричка смотрела на меня с восхищением и мистическим ужасом. Примерно, как на ангела из преисподней.

– Распеваюсь. – развела руками я, не в силах удержаться от того, чтобы не выдать продолжение хита всех времён и народов.

Божечки!! Богемская рапсодия! Это то, что просто мечталось сейчас выдать вот этим самым голосом в вот этой самой акустике! Да я же весь репертуар Queen знаю наизусть! Почему-то именно их сейчас хотелось перепеть, хотя партии у Фредди Меркьюри совсем не дамские. А главное, я ведь могу! Могу так, что не то, что не стыдно самой услышать, а... Фуф! Аж взмокла.

Хрипотцы вот этой специфической не хватает, конечно, но... Вспомните "Барселону", которую Фредди с Монтсеррат Кабалье исполняли охренительно гармонично. Конечно, техника исполнения – далека от совершенства. Но все погрешности с лихвой окупал голос. О, нет, не так... Это был ГОЛОС!

Я взяла самую низкую ноту и потянула её вверх, просто, чтобы измерить диапазон. Две с половиной... или всё-таки три? Да ладно, не столь важно. На самом деле мерить певческий талант доступными октавами – всё равно, что измерять удава попугаями.

Истинная ценность вокала в красоте тембра, выразительности и том, что мы называем человеческой харизмой.

– С чего начнём? – выдыхая медленно и осторожно, успокаивая разбушевавшиеся нервы, спросила Фреду.

– Пожалуй, с разучивания нового. Я вот тут тебе подобрала... Должно получиться восхитительно.

Часа два мы занимались, это точно. Потом, как обычно, отправилась на общественные работы, и тут уже запретила себе халевить. Злоупотреблять человеческим отношением к себе тоже не стоило.

О предстоящей ночи думалось с двойственными эмоциями. С одной стороны, раздирало любопытство – жуть как хотелось посмотреть на реальное устройство жизни вне монастыря. С другой – я отчётливо понимала, что без нормального сна долго не протяну. И сколько мне ещё будет спускаться с рук валяние под кустиком, пока все работают – неизвестно.

Утром попросила Марту попытаться изыскать возможность снабдить мою пещеру хотя бы пучком свежей соломы, но удастся ли ей это провернуть – большой вопрос. У старших монахинь о таких мелочах голова не болела, а обращаться к ним с подобными просьбами совершенно не тянуло. Да и вообще, с любыми просьбами. Только в крайнем случае, если не получится решить проблему без их участия.

Весь остаток дня ломала голову, как бы так подстроить, чтобы поговорить с Авророй о несчастье, случившемся с Лирой. Мне кажется, она знает об этом больше, чем кто-либо. Судя по всему, старшая здесь вообще самый осведомлённый человек. Только не стремится свои знания обнародовать. Вот и придумай, как разговорить замкнутую девушку, а для начала вообще хотя бы остаться с ней наедине.

В условиях монастыря эта задача вообще кажется практически неразрешимой – всё время вокруг толчётся народ. Разве только, завтра напроситься работать рядом с ней?

У Поли, как уже стало очевидно, нужной мне информации не было. Она, вроде, всё время что-то говорит, но всё как-то одни эмоции. Полезного зерна – ноль. Ни куда конкретно Лира отправилась в тот злополучный вечер, ни зачем, ни как вообще умудрилась улизнуть от всеобщего внимания.

К вечеру, больше так ничего и не придумав, дождалась свою конвоиршу и отправилась в заточение. И вот тут меня ждал приятный сюрприз. В келье днём кто-то добросовестно убрался – выгреб ошмётки гнилья и природного мусора. А в углу спального отсека пышной горкой возвышалось ароматное сено.

– *Спасибо тебе, неизвестный добрый человек.* – мысленно от души поклонилась благодетелю, – *Завтра у Марты разузнаю, кому при случае сказать слова благодарности.*

Как только Эльвина, даже не заглянувшая в келью (ну и замечательно), ушла, бросилась проверять каменную горку. Тот, кто наводил здесь чистоту тоже мог обратить на неё пристальное внимание. А вот этого совсем бы не хотелось.

– *Да нет, вроде всё, как было.* – выдохнула я, радуясь, что вчера заставила себя восстановить маскировку на совесть.

Посмотрела на каменную горку, перевела взгляд на соломенную, и решительно остановила выбор на второй. Подземный ход теперь никуда от меня не денется, а вот как следует

выспаться – необходимость насущная. Тем более, что Фреда так нагрозила меня своими песнями, что придётся посвятить время репетиции. Иначе к завтрашнему "уроку", окажусь неподготовленной, и у сестёр-монахинь возникнет резонный вопрос, чем я тогда здесь вообще занимаюсь.

Развалилась на мягкой соломке, чтобы протестировать новое спальное место, и прямо едва сразу не уснула. Так бы и лежала клубочком, и не шевелилась. Здесь теперь в самом деле было даже приятней, чем в общей спальне на старом, слежавшемся тюфяке.

Но слова же учить можно и лёжа, верно? Взяла выданные Фредой листы и удобно зарылась в сухую траву. Плохая была идея. На середине второй страницы всё-таки вырубилась, так и не успев вызубрить намеченную норму.

* Начало песни Queen - " Ay-Oh!

Глава 15

С этого момента, если можно так выразиться, быт мой немного наладился. По крайней мере, к крыше над головой и скудному, но регулярному питанию (включая презенты от Марты) добавился сон, обеспеченный стараниями старика Петера. Это он позаботился о минимальном пещерном комфорте.

Конечно, монотонный физический труд выматывал, но скорее своей нудностью и однообразием. Тело же, совсем недавно принадлежавшее Лире, было привычно к этим нагрузкам. В общем, приспособилась.

К тому же, персональные занятия с Фредой давали мне час – полтора в день поблажки. Петь, оно, знаете ли, не кули ворочать. Прошедшая неделя упражнений позволила уже смело занимать законное место солистки в хоре.

А главное, успела пару раз сбегать до городка. Первый забег, правда, вышел не совсем удачным. Даже глянуть толком ничего не успела. На самом подходе едва не столкнулась с парой мужиков, как мне в ночи показалось, весьма недоброго вида. В общем, струхнула – мама моя дорогая. Как будто пришельцев увидела.

С ухающим сердцем отсиделась в кустах, дожидаясь, пока те вдоволь наспорятся и скроются за поворотом, да и рванула назад. "Дома", конечно же, отругала себя за трусость. Чего, спрашивается, так испугалась? За тем ведь и шла, чтобы что-то увидеть.

– *Посмотреть – это одно, а вот встречаться с незнакомцами тёмной ночью – совсем ни к чему.* – успокоила сама себя, на том примирившись с позорным бегством.

Второй раз получилось более удачно. Настрой был уже совсем другой – далековато, так-то, бестолково бегать через полдолины без пользы для дела.

Ну что сказать, подсмотренное из-за заборов в редких освещённых окнах не вызывало ни удивления, ни оптимизма. Похныкала даже про себя немного про то, что совсем, на самом деле, не мечтала всю жизнь прожить в условиях свечного освещения, печного отопления и доисторического каменно-деревянного зодчества с удобствами во дворе... Но, что поделать – средневековье. Ной, не ной – время не пролистнётся вперёд, и надо просто раз и навсегда этот факт принять, как единственную данность..

Несколько раз порывалась пообщаться с Авророй. Сперва просто покрутилась по соседству, заводя разговор ни о чём. Потом рискнула тихонько задать вопрос о себе. Старшая, с которой в этот момент рядом разгребали морковную ботву, пристально посмотрела на меня, сжала губы и ничего не ответила. Вообще ничего.

Зато чуть позднее, когда прозвенел сигнал к обеду, медленно пошла рядом, незаметно придерживая меня за одежду, чтобы я тоже сбавила шаг. Не поднимая головы, только глазами проводила одну из девушек, дожидаясь, когда та отойдёт далеко вперёд. К моему удивлению, такая осторожность относилась не к Леське, которая снова бурно и довольно неприкрыто булькала в мою сторону – как никак, я опять потеснила её из прим. А к одной из двух "верблюжьих колючек" из её окружения.

– Лира! – буквально выдернув меня за угол лазарета под прикрытие кустов, строго и горячо зашептала Аврора, – Ты что, думаешь, я не понимаю, к чему твои расспросы?! И думать забудь о старой часовне! Спряталась в келье и решила, что старуха про тебя забыла? Даже не мечтай. Сиди, как мышь, и молись, чтобы Тейла выпустила тебя отсюда, когда родные приедут.

Я даже опешила от такой экспрессии, совершенно не свойственной обычно тенеподобной собеседнице.

– В каком смысле, она что, имеет право меня не отдать? – это заявление девушки моментально погасило внутреннее ликование от того, что старшая, в пылу даже не заметила, как проболталась о самом важном.

– Права не имеет, а возможность может и подыскать.

– Ничего не поняла. Да скажи толком.

– А-а-ай! Пошли уже, некогда. Догонять надо, пока наше отсутствие не привлекло внимание. Просто слушай, что говорю, и никуда не суйся. И вопросов не задавай. Особенно при Эрвен.

– А она что? Спокойная такая, молчаливая. Никуда не лезет. А-а-а... Так это она? Тихоня, значит...

– Всё, не болтай. – Аврора выпихнула меня из укрытия, верно сообразив, что иначе этот поток вопросов не остановить.

– Обещай, что расскажешь о планах настоятельницы в отношении меня. – едва шевеля губами шепнула я.

Этот вопрос нельзя было оставить недосказанным.

– Потом. – прошелестела спутница.

Мы как раз подходили к столовой, и лицо Авроры приняло привычное безучастное выражение. В следующий раз поговорить довелось только через день. Теперь, зная от кого в самом деле ждать подножки, я и сама заметила, что Эрвен как-то постоянно находится не только в поле зрения, но и слышимости. Ну и я у неё, соответственно, тоже. Неприятное ощущение.

Пришлось напряжённо караулить, когда личные уши матушки Тейлы вызовут с докладом. Тут уж не выдержала, засунула старшую в кладовку с уборочным инвентарём и выпытала всё, что той было известно.

Как здесь в оба края функционировала шпионская сеть получения информации – она так и не призналась. Но рассказала, что старуха задумала прямым подкупом убедить моих родственников оставить "чудный голос, привлекающий новые души к вере и свету" в монастыре. То есть, готовила мне участь самой Авроры.

Надо думать, если перспектива навязанного замужества казалась неприемлемой, то новая версия будущей жизни, придуманная настоятельницей – вообще катастрофа. И ведь никто не гарантирует, что родственники не поведутся на её коврижки.

– *Ясно. Раз уж я упрямо отказываюсь умирать от истощения, старая жабба решила попытаться до конца дней привязать меня к церкви. И к своей ноге.* – раздражённо-решительно всовывая в руки растерявшейся Авроры тряпку и ведро, размышляла, грохоча своим, – *Мой выбор очевиден.*

– Зачем? – удивлённо поинтересовалась собеседница, указывая на инвентарь.

– А что мы ещё тут с тобой вдвоём можем делать, как не проявлять инициативу к наведению чистоты? Тем более, что пол в спальне и в самом деле давно стоит помыть.

– Мало тебе дел за сегодня, что ли, было? Теперь ещё и тряпкой махать.

– Ну, извини, больше ничего не пришло в голову. Здесь не так много мест, где можно спрятаться и поговорить. Слушай, скажи честно. – резко притормозила Аврору за рукав у самого выхода, – Ты вот прям на самом деле готова смириться с тем, что через две недели единственным домом для тебя станет монастырь? Навсегда.

Девушка посмотрела в глаза почти зло. Оно и понятно – я только что надавила ей на оголённый нерв. Дёрнула рукой, освобождаясь от моего захвата, и пошла в спальню.

Сейчас она вызывала у меня и сострадание, и благодарность, и чувство некоторой вины, и раздражение. Ну в самом деле, неужели не понимает, что нельзя позволить упечь себя в эту тюрьму?

– Да понимает, конечно. Только выхода найти не может. А характер у девчонки есть, от того так мучительно принимать участь монашки. Вон как полыхнула. Не овечка безропотная. И язык за зубами держать умеет. Эх, вдвоём бы... Гораздо легче было бы – она хоть в жизни местной разбирается. Только, боюсь, не отважится. Не тащить же насильно.

Вечером я лежала на своей соломенной постели и методично крутила в голове варианты собственного выбора перспектив. И везде выходило грустно. Сбежать из дома родственников, наверное, будет проще. По тем причинам, что хотя бы что-то могло у них храниться от родителей Лиры, что с чистой совестью можно прибрать к рукам. Нет, я уже знала, что мать её умерла давно, о вот отец – только год назад и полным банкротом. Но бывают же какие-то личные вещи, может, шкатулка с парой серебряных брошей, или как там бывает?

Не может же быть, что я настолько неудачлива в своём попаданстве, что голос – это всё, что мне здесь перепало? Ну ладно, и молодость. И здоровье.

В конце концов, из их дома хотя бы уйти можно в нормальной одежде. А не вот в этом парашюте, за версту бросающимся в глаза.

В самом же монастыре обычное платье взять неоткуда. Или есть? Не голыми же девчонок сюда привозят? Хотя, вот одежду могут и малоимущим отдавать. Но с деньгами на первое время – точно полная безнадёга. Это если дядюшка с тётушкой подкачают с родственными чувствами.

Не в силах больше находиться на месте, встала и полезла к своему тайному лазу. Нестерпимо захотелось на воздух. И первое, что на выходе бросилось в глаза – огоньки костров на границе города.

Глава 16

Костёр и пара факелов освещали три крытых повозки и небольшую группу людей перед ними. Причём, что они там делали – было совершенно непонятно. Но что-то... Мигом подвинув свою "головную боль", только что раздиравшую голову, мелкими перебежками от одной кучки кустов к другой, поскакала на разведку.

По мере приближения, становилось всё интереснее и интереснее. Уж больно необычным казалось поведение путешественников. Не всех. Взрослый мужик лет пятидесяти, например, как нормальный человек, сидел у костра и что-то помешивал в висящем над ним котелке. Огонь ярко освещал его лицо.

Я притаилась за небольшой каменной насыпью, внимательно разглядывая участников развернувшейся картины. Нельзя сказать, что с этого расстояния возможно было различить каждую морщину на их лицах, но ближе подбираться не рискнула. И так, можно сказать, осмелела до дерзости.

Самый старший – тот, что у полевой кухни, был седовлас и пузат. Волнистые волосы до плеч и тёмные глаза придавали ему некоторое сходство с цыганом. Широко расшеперив колени, на которых уютно пристроился его кругленький пивной мамончик, дядька активно раздавал указания остальным. Кажется, среди них он был главным.

Совсем молодой парнишка, скорее мальчишка, только что подбросил дров, уселся прямо на землю и заливисто расхохотался, глядя на занятную парочку, которая демонстративно исполняла непотребное на глазах у всех присутствующих. Это были мужчина и женщина.

Знойная, но заметно потрёпанная жизнью барышня лет тридцати пяти – сорока чуть хриловато, но сочно пропела: "Ах, искустель мой, я вся горю!", крутанулась на месте и повалилась в растопыренные для объятий руки напарника. Вот прям спиной вниз и задрал ногу.

– *Мамочки, какая пошлятина.* – я буквально рот зажала, чтобы не рассмеяться вместе с от души веселящимся мальчишкой.

Было тем забавнее, что в данной парочке комично контрастировали не только габариты, но и возраст.

На фоне фигуристой и внешне, прям, зрелой тётки её компаньон выглядел тощим сопляком. Согнувшись под тяжестью аппетитных форм "возлюбленной", парень годов двадцати двух – двадцати пяти весьма сублильной внешности и такого же, если можно так выразиться, голоса что-то пискнул, изображая страсть и со всего маху чмокнул зажмурившуюся (наверное, от ужаса) бабёнку.

– Ну что ты делаешь?! Кто так целуется? Что ты клюёшь её, как курица просо. – "цыган" в сердцах хлопнул себя по коленкам, тяжело опёрся на них и поднялся с насиженного места.

В ожидании продолжения "камеди в лицах", я во все глаза наблюдала за его действиями, постоянно одёргивая себя от того, чтобы не высунуться посильнее.

– Гляди и учись! – главный важно развернулся лицом к воображаемой публике и со знанием дела продемонстрировал, как надо изображать страсть.

– *Талантливо.* – я даже головой покивала в темноту, подтверждая это определение, – *Либо у мужика действительно чувства к мамзели.*

– Барагунд, ну ты же сам сказал, чтобы смешно было. – на самом деле у героя-любownika оказался вполне нормальный голос.

И отдельно от тётки он смотрелся более-менее прилично. Слишком широкая рубашка, выпущенная поверх штанов, создавала иллюзию излишней худобы, но, думаю, это не так. Жилистый, высокий, но не тощий.

Барагунд хмыкнул, видимо осознав, что и в самом деле поставил парню две взаимоисключающие друг друга задачи.

– Ну всё равно, не так. – буркнул он, – Завтра начинается ярмарка, а у нас ничего не готово. Ладно, давайте есть. Ким, что там с похлёбкой, поспела? – это уже мальчику.

– Да ладно тебе, вечно ты бурчишь, как старый дед. – женщина усмехнулась на заявление главы группировки и, уперев руки в крутые бока, подошла ближе к костру, – В Атагасе вон как удачно прошло. И завтра нормально отыграем. За три-то дня – точно чего-нибудь наскребём.

Старший, что-то ворча под нос, уселся в ожидании, когда ему подадут еду. Театрализованное представление закончилось, и началась обычная бытовая суета.

Стараясь не сдвинуть с места ни один камешек, я, практически по-пластунски, стала отползать назад. Пора было возвращаться.

– *Вот оно что, значит, завтра в городе начинается ярмарка. И что нам это даёт? Да ничего. Эх, глянуть бы по нормальному, чем веселят местный люд бродячие артисты. (То, что это именно они – сомнений не вызывало). А у тётки неплохой голос.* – я со смехом вспомнила дурацкую сцену, разыгранную на моих глазах.

И даже мысленно зачем-то представила себя на её месте.

– *Да ну, бредятина какая. Примитивная и плоская тривиальщина. М-м-да. О, нравы, о, вкусы!*

Однако, на следующую ночь снова не удержалась, чтобы не вылезти на волю, дабы поглазеть на приезжих артистов. Весь день раздумывала о том, что побег с этой маленькой труппой, на самом деле мог бы стать для меня выходом. Хотя бы на какое-то время, пока не придумаю иной альтернативы. Только как к ним прибиться? Зачем лишний рот этим давно сколоченным рядам?

Ну ладно, петь я умею, свой кусок хлеба отработаю. И даже готова пожертвовать собственными представлениями об искусстве ради того, чтобы убраться отсюда подальше. Однако, большие сомнения вызывает то, что они вообще захотят связываться с беглянкой. Насколько помню из истории, люди данной профессии представляют собой весьма мало защищённую социальную группу. Зачем им добавлять себе проблем?

– *Эх, если не найду нормальной одежды, любая придуманная версия, объясняющая, почему я так жажду попасть в сей творческий коллектив, окажется бессмысленной. Ну что может делать девчонка в монашеском балахоне в непосредственной близости от монастыря? Только драпать из него.*

К большому огорчению, знакомых огоньков на вчерашнем месте не оказалось. Вдруг, накатило ощущение, что прямо сейчас упустила свою птицу счастья – не меньше. Вспомнились лица испарившихся актёров, их поведение, смех, ленивое, незлобивое ворчание этого... Барагунда. Никто, вопреки традиционным представлениям, не орал, плётками не махал. Как-то всё по-семейному, спокойно. Даже уютно. И так захотелось туда, к ним.

Пусть без комфорта оседлой жизни – он мне и так, скорее всего, не светит. Призрачный статус баронессы? Ха! В лучшем случае, бесправное заточение из одной клетки в другую. "Тёплую", и с незнакомым мужиком, имеющим права и власть законного супруга. И что тогда? Клепать детей, морщась от отвращения? Всё равно ведь сбегу.

И ещё одна важная мысль никак не давала покоя. Мне достался такой голос. Неужели я смогу угробить этот дар? Просто взять и схоронить в быту навязанного брака? В жизни себе не прощу. Один раз уже отрекалась от него. Конечно, прошлая судьба и без того сложилась удачно – грех жаловаться. Но иногда всё равно было обидно, что не отважилась попытать счастья там, где действительно горело. А, учитывая, что таланта в новой реальности мне намеряли не в сравнение более щедро – пс-с-с...

Потоптавшись на месте, всё же решила добраться до города. И тут увидела знакомые кибитки, неспешно ползущие на старое место.

– Ясно. Ярмарка на три дня. Трупна никуда не денется – будет на ночлег возвращаться сюда. Сейчас к ним соваться – рано. Нужно дожидаться момента, когда соберутся уезжать и любыми путями напроситься с ними. А сейчас лучше заняться другими неотложными делами. Между прочим, тайна настоятельницы до сих пор не раскрыта. И даже сам подвал не найден. Так, Аврора, говоришь, старая часовня?

Решительно оставила идею снова понаблюдать за артистами и направилась тщательно обследовать территорию монастыря. За прошедшее время уже сносно освоилась с местностью, так, что потеряться было не страшно.

– Хорошо, что по ночам здесь, кроме меня, никто не бродит. – только подумала я и, вдруг, услышала приглушённые голоса.

У меня чуть сердце не оборвалось. Рухнув к земле, сперва замерла, осмотрелась, отдышалась и медленно начала продвигаться на звук. Очень осторожно. Пока не поняла, что такие же неуместные, как и я, здесь люди совсем близко. Чуть дыша, приподняла ветку, заслонявшую обзор и увидела совершенно непостижимую вещь.

На открывшейся глазу небольшой площадке всю кипела тихая, слаженная работа. Какие-то странные личности парами тащили не слишком большие, но, очевидно, увесистые бочонки, исчезая со своей ношей в кустах напротив.

– Да нет, не в кустах. – поднимая глаза выше, поняла я, – В стене.

А повернув голову дальше, я увидела её. Часовню.

– Так вот оно что. Да тут не монастырь, а кротовое логово.

Глава 17

– Шевели заготовками! – шипел медведеподобный мужик напарнику-коротышке, который катился вперёд спиной, не успевая приноровиться к размашистому шагу здоровяка

– Да не пыжи ты, как голый в баню! – огрызался колобок, – Уроним – милейшая матушка всем бошки посворачивает и не вспотеет.

– Тихо все! – хрипло раздалось слева от места моей засады, и волосы на загривке характерно взъерошились – не ожидала, что совсем рядом ещё кто-то находится.

Кто-то очень бдительный. Осторожные шаги проследовали левее и дальше, а я вжалась в траву, стараясь не тревожить ветви слиясь с кустиком и практически перестала дышать.

– Гаси факел. – просипел тот же голос, возвращаясь на прежнее место.

– Ты чо, Грев! Как в темноте-то? – попытался возмутиться ещё один голос. Судя по звукам, этот только что выдрался из кустов, скрывающих ход.

– Не заблудишься! – зло рыкнул главарь, – Фигляры вернулись, чёр бы их драл. Заметят свет – начнут любопытствовать. Сколь там ещё?

– Два. – ответили ему.

– Бегом! Я к старухе за расчётом.

– Грев!

– Ну чего ещё?

– Ты это, пакость эту крамольную прихвати – сам отдай. Благотельнице. В руки брать погано.

– Смотри, какие мы нежные! Купчика вчерась теми голыми руками придушил, и не поморщился, а тут прям погано ему. Ладно, давай, оно и надёжней будет.

– Так вон свёрток тряпочный.

Сиплый ушёл, а оставшиеся продолжили работу.

– Сравнил тоже. – бубнил, отдаляясь, особо щепетильный бандюган, – Купчик сам напросился, это ж просто человеке, а не...

Дальше было уже не слышно. Только я, было, собралась покинуть наблюдательный пункт, как снова послышались голоса – ночные "грузчики" возвращались. Да ещё и дожидаться своего командира увалились чуть ли не в мои кусты.

– *Твою мать.* – пришлось опять осесть в траву, изображая старый пыльный мешок. Вот где восхвалила ненавистный балахон, в данный момент удачно способствующий маскировке. Даже лицо уткнула в землю, чтобы не выделялось светлым пятном. – *Заметят – хана. Тут же и прикопают – к бабке не ходи. Вон тот контрабандист с чувствительным сердцем и придушит.*

Ждать пришлось долго. "Соседи" тоже уже заметно нервничали, когда, наконец, появился старший и скомандовал отход.

Обмякнув в траве, дала себе минуту на то, чтобы успокоиться. Подниматься было тяжело – ноги тряслись. Да всё тело ходило ходуном от пережитого страха, напряжения и теперь вот облегчения.

В полной тишине я обшарила кусты, где исчезали со своей ношей душегубы и обнаружила ход. Да не такой, как мой – узкий и извилистый, а прям основательный. Держась рукой за стену (света у меня, как понимаете, не было), прошла до конца и упёрлась в дверь. Ощупав препятствие, поняла, что с этим замком не справлюсь, даже пытаться не стоит. А попасть туда нужно обязательно.

– Стоп! Лира расшиблась на каких-то ступенях. А я что-то ничего подобного на пути сюда не заметила. Значит, есть второй вход, скорее всего из самой башни. Пока есть время, надо попытаться счастья там.

Выбравшись наружу, я взялась карабкаться на гору к подножию полуразрушенной башни, корявым силуэтом высившейся над головой. Где-то на середине подъёма сообразила, что осветительного прибора с собой по-прежнему нет.

– И что я, стесняюсь спросить, там увижу? Даже если не грохнусь в потёмках, как предшественница, и не переломаю кости окончательно?

– Но бабка же как-то там перемещается? – тут же пришла здравая мысль, – Вряд ли каждый раз таскает свечку с собой. Наверняка где-то прямо у входа и оставляет. А вот палку покрепче, на всякий случай, стоит прихватить.

Я уже добралась до подножия поросшей мхом стены и аккуратно кралась вдоль неё в поисках центральных, так сказать, дверей. И тут, краем глаза уловила движение. Хорошо, хоть не рядом. За сегодняшнюю ночь со своим родным сердцем уже бы пережила восемь инфарктов. Точнее, однозначно бы не пережила.

Тучной серой медузой, практически сливаясь с окружающим ландшафтом, в сторону "жилых кварталов" монастыря медленно плыла фигура настоятельницы. Я и заметила её только потому, что она двигалась. Но перепутать сей громоздкий силуэт было просто не с кем. И это, кстати, тут же успокоило.

– Значит, ожидать появления хозяйки медной горы и её сокровищ в любую секунду – не придётся.

Дождавшись, когда та совершенно скроется из виду (мало ли – вдруг надумает обернуться, а надеяться на слабое старческое зрение – не тот случай), уже смелее продолжила движение.

Вход нашёлся быстро. Башня выглядела заволакивающе-пугающей. Прямо классический образец для какого-нибудь исторически-мистического триллера. Все эти ущербные места стены, полотнища паутины, обломки, так сказать, недоброй, зловещей старины... Но вздохнуть и впечатлеться было категорически некогда.

Посему, не тратя попусту уходящие минуты, принялась шарить у входа. Свеча обнаружилась в самом предсказуемом месте – на полу, справа от отсутствующих, по причине ветхости строения, дверей.

– И кто, спрашивается в задачнике, вообще мог обнаружить Лирu в этом заброшенном месте? – оглядывая обстановку, размышляла я. – Загадка.

Ход в подвал обнаружился в дальнем углу. По осклизлым, неровным ступеням действительно было опасно спускаться. Но я-то была уже в курсе. Поэтому, ступала осторожно, выискивая натоптанные места и проверяя их на прочность крепкой веткой, предусмотрительно подобранной с улицы.

Вот и дверь. Как и ожидалось – старая. Внимательно оглядев замок, решила, что здесь как раз и пригодится неиспользованный трюк с петлями, который ещё тогда, в первые дни собиралась применить к кухонной двери.

Подсунув палку между косяком и ржавым металлом, как рычаг, потянула на себя. Петля поддалась. Правда, сама ветка тоже треснула. Подвинула её глубже и снова потянула. Дальше можно было и руками расшевелить гвозди, болтающиеся в рассохшемся дереве, как карандаш в стакане.

Окончательно отодрав край громыхнувшей замком железяки, опустила её вниз, оставив болтаться на втором креплении, а сама отворила висевшую на соплях дверь и вошла внутрь.

– Ну, наконец-то. Долго же я это место искала. И что у нас тут? – медленно ведя свечой, я рассматривала содержимое помещения, – Так, старый сундук, ещё старый сундук... А вот и свежие бочки.

Поставив "светильник" на один из бочонков, взялась раскупоривать другой. Пробка сидела на редкость крепко. Кто-то, для надёжности, ещё и добросовестно залил её чем-то жирным. Или воском?

В общем, помучилась изрядно, пока открыла неподатливый сосуд. Проще, наверное, было бы сделать дыру в самом бочонке, но нечем.

– *Фу-уф!* – я заглянула в отвоёванное отверстие и потянула воздух носом, – *Коньяк! Граждане, и, судя по запаху – отличный. Самый, что ни на есть, настоящий. Так вот, чем промышляет наша не святая матушка. Любопытно.*

Однако, ещё любопытнее было отыскать свёрток, который даже матёрый контрабандист не хотел лишний раз брать в руки.

И он нашёлся, да не один. В одном из деревянных коробов под увесистой крышкой они и лежали – холщовые брикеты прямоугольной формы, разного размера.

С некоторой даже опаской взяла в руки один из них, отвернула свободный край тряпки – никакой чёртик изпод неё на меня не прыгнул, наоборот, обнажился угол картины.

– *Да нет же.* – уже смелее освобождая полотно, возбуждённо рассуждала я, – *Не картина, это же икона! Да, вот и Рина, и Марах... Только... какие-то они нихрена не светлые. Ну, дела...*

С искусно выписанных портретов на меня смотрели местные святые. Однако, благости местных храмовых икон в них не было абсолютно. Даже намёком. Пурпурные, вместо привычных – белых – плащи, суровое, воинственное выражение лиц, агрессивные позы, в руках брата – меч, у сестры – лук с натянутой тетивой и готовой сорваться стрелой. Явно не имеющей отношения к Амурской...

– Жесть! Это что же получается... – ледяные мурашки разбежались по телу, – А это, товарищи, реликвии "протестантов" в логове "католиков" в чистом виде. Теперь понятно, чего боится старуха.

И стало совершенно ясно, что не выпустит меня матушка из цепких лапок. Если есть хотя бы подозрение на то, что Лира сие видела – не выпустит. Я бы на её месте так и сделала. Вот эти штуки – это даже не коньяк контрабандный. За такое её саму внутренние церковные органы четвертуют, сожгут и по ветру развеют. Если узнают, конечно. А уж я теперь постараюсь, чтобы узнали.

Глава 18

Порыскав по подвалу ещё немного в поисках чего-нибудь, способного обеспечить хоть небольшую финансовую поддержку на первое время – ничего не нашла. Ни монетки, ни затрапезной брошечки, которую можно было бы продать. Зато, в одном из сундуков, без дела валялся целый ворох девчачьей одежды.

– *И чего, спрашивается, старуха тут весь этот хлам хранит? Портится же. – пере-тряхивая слежавшиеся, воглые, заметно попахивающие плесенью вещи, недоумевала я. – Из жадности, что ли? На кой ей они? Лучшие бы перестирали и вон в храме своём беднякам раздали. Или в этом положено выдавать воспитанниц назад – в руки родственникам? Фу!*

Выбрала то, что казалось поцелее и меньше пострадало от такого вот бесхозяйственного хранения, свернула в узелок, а остальное свалила обратно. Да и всё прочее, чего касались мои руки – привела в прежний вид. Понятно, что пробка в бочонок коньяка как было не встала, ну да ладно – это уже мало заметные на беглый взгляд детали.

Никто не должен понять, что, кроме настоятельницы, здесь был другой посетитель. Оглядела подвал – вроде нормально. Закрыла дверь и приладила назад вырванную петлю, для надёжности, постучав по старым гвоздям камнем – благо этого добра здесь водилось в достатке. Подхватила палку и ещё раз осмотрелась на предмет следов чужого присутствия. Теперь выдать сей факт мог только заметно укоротившийся огарок.

– *Зачем старуха вообще это делает? Ну вот эта затея с контрабандой. Коньяк, так понимаю, приносит неплохой доход. Только она ведь даже потратить эти деньги с кайфом не может – сан не позволяет. Максимум – роскошный стол без ограничений и полагающейся регламентом скромности. Так куда ей столько деньжищ? А с вражескими иконами – так вообще караул. У неё что, внутренние разногласия с местным божеством? Или она изначально не из условно-нашего стана? Одни вопросы.*

Знание-то я получила. Очень ценное и опасное. Теперь важно распорядиться им грамотно. Так, чтобы и матушку Тейлу на чистую воду, как говорится, и собственную голову сохранить на законном месте.

Шантажировать опытную преступницу (ну да... а как её ещё назвать) – дело, мягко скажем, неблагоприятное. Я-то тоже довольно пожившая тётка – в курсе, что шантажисты долго не живут. А в нынешней расстановке сил – и подавно.

Бежать за защитой к властям – тоже не вариант. Мало того, что моё слово против уважаемой бабушки с репутацией благодетельницы – пшик... да тут и говорить нечего, так ещё и проверить подобную информацию никто не сможет.

Даже если, вопреки здравому смыслу, допустить вероятность, что найдётся какой-нибудь упёртый правдоборец – его на порог монастыря не пустят на совершенно законных основаниях.

Покарать настоятельницу, как уже говорила раньше, может только её же ведомство. Вот кого-то из их числа и следует искать. На свободе. А сейчас нужно ещё как-то целых два дня пережить. Артисты только завтра к вечеру закончат свою работу в городке и соберутся двигать дальше.

– *А ещё за это время следует последний раз попытаться уговорить Аврору бежать со мной. Жалко девчонку. Понятно, что и страшно, и опасно покидать хоть и ненавистную, но всё же крышу над головой. Да только ничего ведь с ума сведёт такая жизнь, коли веры в душе и желания ей служить – ни капли. Сама ведь потом пожалеет, если откажется.*

Что касается того, как примкнуть к рядам бродячих актёров, для себя решила следующим образом: дождусь, когда они закончат с выступлениями, встанут на ночлег, проберусь

к кибиткам, понаблюдаю, в какой они спят, а где хранят свой бутафорский скарб – в неё и спрячусь.

Сразу туда никто, поди, не полезет. Подожду, пока подальше отъедут, а там и сдамся на милость старшего. Сочиню какую-нибудь сказочку про свою несчастную сиротскую жизнь – одежонка, заимствованная в подвале, как раз под эту легенду идеально подойдёт. Поди не выгонят? Спою чего-нибудь жалостливого, на худой конец.

– *Вон, хоть "Генералы песчаных карьеров"* – самое то. – мысленно усмехнулась самой себе.

Аврора – Аврора! Старшая как будто чужая, что в голове моей бродят нехорошие замыслы и, как будто нарочно, избегала моего присутствия.

– Ну как с тобой поговорить, коли ты бежишь от меня, как чёрт от ладана?! – злилась я, пытаюсь изыскать хоть какую-то возможность остаться вдвоём.

Какой там! Я уже почти плюнула на эту затею, от злости даже, кажется, перестав контролировать лицо. Потому, что она это заметила. И к исходу последнего дня, что я намеряла себе в этой обители, сама затащила меня в уже известную каморку.

– Ты чего затеяла, Лира?! – угрожающе-сердито заговорила она.

– Сама уже поняла, чего. – я тоже не стеснялась в эмоциях.

Не смотря на недобрые интонации Авроры, я была уверена, что она меня не сдаст. Даже если со мной не побежит – всё равно никому не скажет, не предупредит.

– А ты что от меня прячешься? – прямо спросила пытящую, как паровоз, девушку, – Боишься, что уговорю?

Слово "побег" не произнесли ни разу, но обе понимали, о чём речь, и к чему клоню, то есть подбиваю старшую.

– ДУМАТЬ! ЗАБУДЬ! – прям вот так – двумя жирными восклицаниями прошипела та и резко рванула из нашего укрытия, даже ведро забыв прихватить.

– Сегодня ночью. – только и успела шепнуть вслед, надеясь, что Аврора всё же ещё раз крепко подумает и воспользуется случаем.

Что-то подсказывало, что вот такое яростное, настойчивое, эмоциональное отрицание – надуманное. Она колеблется. Что ж, теперь выбор за ней, я сделала всё, что могла.

Больше всего эти дни боялась, что старуха наведается в свои закрома и заметит те небольшие погрешности, что я оставила после себя. Поднимет шухер и догадается, кто там наследил. Хвала всевышнему, ничего подобного не произошло.

В эту ночь я, ни секунды не медля, выбралась на поверхность и засела в укромном местечке, выбрав наблюдательным пунктом заросли, чуть подальше, чем облюбованная ранее насыпь. Мало ли – вдруг кому из артистов вздумается прогуляться перед сном. Заметят раньше времени – а ну как шум поднимут.

Чуть позже, чем в предыдущие разы (уже успела начать волноваться), артисты встали лагерем у своего костровища. Вот развели огонь, наладили котелок, вот отужинали, бурно обсуждая успешно прошедшую ярмарку, вот потянулись отдыхать.

– *Так, ясно, девочки, значит, сюда... Парень вот в эту повозку... А инвентарь, получается в дальней. Вот и хорошо.* – собирала необходимую информацию, дожидаясь, когда, наконец, последний член труппы отправится спать.

А старший (это был именно он), всё сидел и сидел у костра, никак не желая уходить. Вот же, зараза. И что делать? Сидит и сидит себе, звёздочками любит, временами даже носом клюёт, а не уходит! Незаметно мимо него к дальней кибитке не пробраться – чисто поле вокруг. Даже если мелкими перебежками – всё равно движение заметит.

На дальнем горизонте уже успели появиться первые признаки рассвета, когда Барагунд всё-таки поднялся и залез в повозку "для мальчиков".

– *Фу-у-уф!* – я семимильными прыжками рванула к намеченному убежищу.

И тут... Мамочки родные! Почти кубарем скатываясь с горы, в мою сторону неслась девичья фигурка.

– *Засекли моё отсутствие?* – пригнувшись и вглядываясь в силуэт, судорожно соображала я, – *Вряд ли. Колокол не трезвонил, да и ждать от старших монахинь подобной прыти – невозможно. Аврора!*

– Да тише ты! Тише! – одними губами "вопила" я, размахивая руками, – Надумала? Молодец! – шепнула ей, когда та, вконец запыхавшись, докатилась до меня.

– Нет! Лира! Отговорить. Ты не понимаешь, что делаешь! Миленькая, пошли назад! Это опасно! – горячо молила Аврора.

– Опасно, говоришь? Да мне не жить в монастыре, ты это пойми! – парировала я, – Я знаю такое, за что старуха однозначно сведёт в могилу.

И в этот момент обе услышали, как в другой кибитке началось оживление. То ли мы разбудили, то ли час подъёма настал.

В общем, недолго думая, я подхватила Аврору под пятую точку и буквально закинула в кибитку, благо кожаные шторки, висевшие в её задней части оказались не закреплены наглухо. С неожиданной для себя прытью влезла следом и, сделав "страшные" глаза, зажала девчонке рот рукой.

Тем временем, на улицу один за другим выбирались артисты.

Глава 19

– Контрабанда. – шепнула в самое ухо Авроры, чтобы та прониклась серьёзностью ситуации и не вздумала поднимать шум, – У матушки в старой часовне целый склад.

Как ни странно, на лице девушки не появилось удивления. Выходит, или догадывалась, или знала уже о тайном промысле настоятельницы.

– Я позавчера сама видела погрузку, а потом залезла в подвал. И бог бы с ним, коньяком, но иконы... – продолжила развивать мысль, радуясь, что хотя бы доказывать существование опасной находки не придётся. Уж ей-то точно.

– Какие иконы? – та, вдруг, выпучила на меня свои красивые глазищи.

– Не наши. – осторожно пояснила я, снова прикрывая рот напарницы рукой.

Вот тут, кажется, мне удалось удивить Аврору. Да не просто удивить, а повергнуть в самый натуральный шок. Ужас, отвращение, паника, страх – я не успевала уследить за стремительно мелькавшими на её лице эмоциями.

– Тс-с-с... – замерла я, ибо голоса снаружи опасно приблизились.

– Чаю хоть давайте хлебнём. – широко зевая предложил парень, игравший героя-любownika.

– Да я бы и перекусила, на самом деле. – поддержала барышня.

– Сейчас дровишек поищу. – отозвался самый младший участник коллектива.

– Не надо дровишек. – сонно пробубнил из своей кибитки Барагунд, – Собираем манатки и едем. Ким, ты на третью повозку, а я ещё подремлю.

– Барагунд, жрать охота, куда такая спешка-то? – возразил "любовник".

– Едем, сказал. – закрывая дебаты отрезал старший, – В Греафнингге в корчму заедем. Там хозяин – мой хороший знакомый, и кормят отменно. Нормально заработали, можем разок и шикануть.

Остальные ещё немного поворчали, но послушно свернули лагерь и расселись по местам.

– *Миленькие-миленькие, ну пожалуйста-пожалуйста, скорее!* – мысленно молила я, поторапливая актёров и вознося молитвы всем богам на свете за то, что Барагунд дал команду не задерживаться здесь.

Аврора свернулась калачиком и лежала, как мышка, молча переваривая полученную от меня информацию. Ну вот и ладно. Хоть назад перестала ломиться и меня за собой тащить.

Наконец, повозки тронулись и одна за другой потянулись по ухабистой дороге. Вовремя. Буквально минуту спустя грянул колокол, возвещающий о пробуждении монастыря.

– Ты чего улыбаешься? – спросила напарница, поняв на меня глаза, вырываясь из собственных тяжких дум.

– Да вот представила, какое будет лицо у старухи, когда обнаружат, что мы обе пропали. – я и в самом деле улыбалась во весь рот, – Жаль, не доведётся увидеть воочию.

Приоткрыв край шторки, даже глянула в сторону удаляющегося монастыря, но никакого оживления пока заметно не было.

– И что мы теперь будем делать? – в серых очах Авроры плескался страх.

– Война план покажет. Сейчас самое главное успеть убраться подальше. Меня вот, что больше волнует – ты своим балахоном теперь всю легенду порушила. Знала бы, что всё-таки вместе в бега уйдём – тебе бы из подвала тоже чего-нибудь переодеться прихватила. А так версия несчастной сиротки трещит по швам. Ладно, будешь сидеть здесь, пока я на ближайшем привале постараюсь решить нашу судьбу.

Юный возница кибитки затянул какую-то незамысловатую дорожную песенку. Повозка мерно покачивалась в такт ухабам, и я даже не заметила, как уснула. Треволнения последних

дней дали о себе знать, сморив обеих. Да и переживать уже, честно сказать, сил никаких не осталось.

Не знаю, сколько прошло времени, проснулась от того, что остановились. Причём, судя по недоумённому возмущению основной части труппы, до пункта назначения ещё не добрались, однако Барагунд зачем-то скомандовал привал. Аврора спала, как убитая, а я приблизив ухо к щели в занавесках, напряжённо вслушивалась в происходящее на улице.

– Ну, вылезай. – кому-то приказал старший.

– Кому бы это он? Все "свои" и так повывезали – вон ноги разминают, матерятся себе потихоньку.

Пытаясь получше разглядеть, в чём же, всё-таки, причина задержки, прильнула к щели глазом.

Оттуда на меня смотрел другой – карий.

– Мама! – тихо пискнула я, сглотнув слюну, в момент ставшую вязкой, как клейстер.

Понятно, что знакомство так или иначе бы состоялось. Но у меня было бы время настроиться, собраться, там, с духом, подыскать слова...

– Вылезай, говорю, не бойся. Разговаривать будем. – подтверждая догадку о том, что сие обращение адресовано именно мне, повторил мужик и подвинул шторку.

С трудом справляясь с мандражом, полезла на свет божий. А что ещё оставалось?

– Ого! Барагунд, это кто?! – изумлению остальных участников сцены не было предела.

Разве только тётка как-то понимающе усмехнулась, придерживав свои мысли и вопросы при себе.

– Вот сейчас и узнаем. – вожак помог мне спрыгнуть на землю и сделал приглашающий жест в сторону компаньонов.

– Так вы знали, что я там еду? – высказала предположение, озарившее голову.

– Конечно. Я тебя ещё три дня назад заприметил, когда ты за камнями пряталась. Так и думал, что не с проста. И ночь сегодняшнюю караулил, ждал, что подойдёшь. Но, видимо, всё совсем не просто? Есть у меня одна догадка, да только лучше сама рассказывай. Всё, как есть.

Остальные тоже заинтересованно смотрели на неожиданную попутчицу.

– Меня зовут Аврора. И я сбежала из монастыря. – цепкий, проницательный взгляд "цыгана" убедил в том, что врать этому человеку совершенно точно не стоит.

Он либо примет правду, либо нет. А вот ложь точно не примет. Вообще, я была уже почти уверена в том, что все "два и два" он уже сложил самым верным образом, но сразу не погнал – значит, есть она, надежда-то...

И я осторожно начала рассказ, наблюдая за реакцией и на ходу стараясь сориентироваться, о чём следует поведать, а про что стоит и промолчать.

Так и есть, на информации о складе контрабандного коньяка Барагунд заметно нахмурился. Да и остальные бросали опасливые взгляды то на него, то на меня, не решаясь что-либо сказать. Связываться с носительницей подобной информации было опасно. И я уже готова была откусить собственный язык за то, что вообще об этом заговорила (про иконы вообще на ближайшее время стоит наглухо забыть, пока не найду способ использовать эту информацию безопасно и правильно), как Барагунд перестал задумчиво жевать губы и снова обратился ко мне:

– Так, и что дальше было?

– А дальше я поняла, что матушка Тейла либо угробит, либо придумает способ навсегда запереть меня в монастыре. Пришлось бежать. Денег у меня нет, одной – совсем страшно. Вот и решила попытаться прибиться к вам. Другой надежды нет.

– Ну, что-то подобное я и предполагал. – шумно вздохнул мужчина.

– А можно спросить?

– Давай.

– Почему вы меня сразу не выгнали?

Женщина и Барагунд переглянулись, понимающе усмехнувшись. Кажется, она знала ответ на сей вопрос.

Причин оказалось несколько. Одна из них то, что монастырь, в который я угодила, оказался не простым, а, если так можно выразиться, специализирующимся на воспитании именно поющих девочек. Об этом, естественно, знала вся округа и не только. А в составе труппы наметился явный дефицит исполнительниц женских ролей. Собственно, Бриенна (как звали единственную даму) уже замучилась выступать одна за всех.

Дело в том, что совсем недавно из труппы выбыла одна из актрис. Ну захотел человек оседлой жизни, к тому же ещё и замуж позвали – вот и ушла. Поэтому здесь никто и не был против расширить команду. А если ещё и неплохим певческим голосом – так вообще замечательно.

Ну вот старший и решил рискнуть принять беглянку, но талантливую – иных в том монастыре не держали. Сперва ждал, когда сама подойду, а потом решил, что так оно лучше будет – уехать, а там уже и беседы беседовать, пока божьи служительницы не хватились пропажи.

Однако кроме этой, имелась ещё одна причина, которая значительно добавила весу в мою пользу.

Уж чего я совершенно не могла ожидать – Барагунд сам оказался беглецом и тоже из монастыря. Не сейчас, конечно, во времена юности, но само совпадение – поразило. Хотя... возможно, в этом мире подобные случаи не такая уж и редкость.

Так, это всё пока очень удачно складывается. Однако, пора решить ещё один животрепещущий вопрос: каким-то образом обнародовать наличие в кибитке второй кандидатки на роль участницы труппы.

Глава 20

Если честно, не знала, как поднять эту тему-то. Даже удивительно, что глазастый Барагунд до сих пор помалкивал по этому поводу.

– Не заметил, что ли? Вполне возможно. Аврора ведь прибежала, можно сказать, в последнюю секунду, а дядька всю ночь не спал – вот внимание и рассеялось. Не уследил. Эх, была – не была!

– Я должна вам ещё кое-в чём признаться. – как в омут с головой бросилась "в бой".

– Что ещё? – настороженно посмотрел на меня старший.

Остальные тоже прервали начавшееся, было, бурное обсуждение новых перспектив и возможностей.

– Я там не одна.

– Как не одна? – озадаченно наморщил лоб вожак, – Быть не может! И как я проглядел? – он широким шагом направился к повозке.

– Она умница и красавица, и тоже поёт. – зачастила я, пытаюсь в минимальный срок выдать максимум аргументов в пользу Авроры.

Нужно было срочно что-то сделать, чтобы не дать Барагунду шанса передумать. А он явно не ожидал подобного поворота. Но что?! Я набрала в лёгкие воздуха...

– У любви, как у птички крылья,

Её нельзя-а ни-и-как поймать! – вздёрнув подбородок и лихо подобрав подол чьей-то потрёпанной юбки, перепавшей мне из злополучного подвала, запела голосом самой известной и признанной Кармен всех времён и народов, –

Тщетны были бы все усилия,

Но крыльев ей на-ам не связать...

Нет, ну а что прикажете делать? Только сражать вокальными данными. Кажется, у меня получалось. И с репертуаром прям угадала. Хабанера звучала не только в тему, но и всяко интереснее, чем вот тот их собственный перл про "я вся горю".

Барагунд споткнулся на полдороги, развернулся и смотрел на меня круглыми глазами. Лицо его расправлялось, расцветало на глазах.

– Лю-у-у-бо-овь! Лю-у-у-бо-овь! – от всего сердца заливалась я, – Лю-у-бо-овь! Лю-бовь! – поставила точку и крикнула напарнице, – Аврора, выходи!

Со спины неожиданно послышались жидкие аплодисменты. Ким, Бриенна и Фокс (как потом представили парня) стояли примерно с тем же выражением физиономий, что и у главного, и ошарашенно хлопали в ладоши.

А я поняла, что купила их сейчас всех. И надо ковать, как говорится, железо, не отходя от кассы. Подруга же моя, как на грех, ковырялась целую долгую минуту, громко пыхтя и раскачивая кибитку. Правильно, ей-то никто не догадался подать руку. Наконец, перепуганная девушка выпуталась из шторок и собственного балахона и, поправляя волосы, робко замерла на всеобщем обозрении.

– Без неё – не поеду. – решительно заявила я и замолчала.

– Ай... ло-овкая! – с каким-то даже восхищённым одобрением протянул старший, прищурившись на меня из-под дремучих бровей. Сразу и не разобрать было, к чему больше относятся вот эти интонации – к тому, как я выкрутилась, или к голосу. – Ну, что вы скажете? – обратился уже к своим соратникам, и, вдруг, расхохотался.

От души так, радостно, громко.

Я ничего не могла понять.

– Ну что, берём? – тем временем продолжил он, – Вижу, что берём!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.